07'92

Автор:
Павел Корнев

07'92

Павел Николаевич Корнев

06'92 #2

Год девяносто второй. Июль. На голове подживает свежий рубец, в карманах гуляет ветер. Есть друзья и работа, а ещё – проблемы. Да и как иначе, ведь пацан сказал – пацан сделал, а вход рубль, выход – два? Если уж хватило ума связаться не с теми людьми, придётся из кожи вон вылезти, лишь бы только не угодить за решётку или того хуже – в пластиковые пакеты. По частям. А ведь просто собирался немного подзаработать…

Павел Корнев

07’92

02|07|1992

утро

Крестик я купил, свечку поставил. Не из-за такой уж искренней веры в чудесный характер своего спасения, но пацан сказал – пацан сделал, пусть даже и сказал самому себе. Да и стрёмно как-то с такими вещами шутить. Ну его на фиг.

В ювелирном салоне, правда, проторчал куда дольше, нежели в церкви, да и денег там оставил несравненно больше. При этом к изделиям из золота даже не приценивался, выбрал серебряную цепочку, толстую и солидную, и под стать ей серебряный же крест. Оттуда завернул на Зелёный.

Пусть последний визит на базар и не задался, всё же решил не позволять эмоциям брать верх над разумом. В конце концов, клин клином вышибают. Да и выбор там самый лучший в городе, чего не отнять, того не отнять. И денег не отнять – гоп-стопом на всеобщем обозрении даже в наши лихие времена не промышляют, а цыганкам-гадалкам и рыночным кидалам подобные мне персонажи не слишком интересны. Ещё и над правым виском рубец протянулся только-только подживший, так что вид самый что ни на есть бандитский. Карманники тоже не страшны – не лох, бумажник в заднем кармане джинсов таскать, а передние до того узкие, что незаметно руку никак не просунуть. Пусть даже в толчее подставные толкнут или зажать попытаются, один чёрт, обчистить не получится. Ну, так думаю…

Когда дошёл до пешеходной дорожки, вдоль которой стояли импровизированные прилавки со всяческим шмотьём, колонки киоска звукозаписи вовсю наигрывали песню группы «Любэ»:

Не валяй дурака, Америка…[1 - «Не валяй дурака, Америка», группа «Любэ».]

Но прицениваться к кассете не стал, прошёл мимо. Слышал уже несколько композиций с их нового альбома – вроде, неплохо и задорно, но совсем-совсем не то. Предыдущий, который вышел ещё до моего призыва в армию, произвёл несравненно большее впечатление. А тут то ли новизна пропала, то ли сам повзрослел.

Да и не за кассетами пришёл, куда больше интересовали кожаные куртки. Снимал их с вешалок, мял пальцами коричневую и чёрную кожу, придирчиво изучал белую и бежевую замшу, проверял швы и подкладку, некоторые даже примерял. Ушлые тётки, занимавшиеся торговлей не первый день, напропалую расхваливали свой товар; недавние инженеры и научные сотрудники втюхать ничего особо не пытались и больше следили за тем, чтобы не умыкнули разложенные на прилавках вещи. Оно и немудрено – жульё съезжалось на Зелёный со всего города, а крыша пресекала только самый откровенный беспредел, предоставляя торговцам самим ловить воров за руку. Как говорится, спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Кожанку я в итоге так и не купил. Длинные на мне висели, будто на пугале, короткие хоть и смотрелись круто, но нечего было и думать проходить в такой всю зиму; по нашей погоде мигом колокольчиками начнёшь звенеть. А покупку сразу двух было не потянуть по деньгам; цены кусались. Вот и решил после недолгих раздумий, что моя старенькая «аляска» не так уж и плоха. Ещё сезон её спокойно проношу, а в крайнем случае приобрету китайский пуховик.

Но совсем уж с пустыми руками с Зелёного не ушёл. Взял «турик» – турецкий вязаный свитер с узорами, толстый и очень тёплый, купил кожаные перчатки и пару спортивных костюмов, остановив выбор на пошитых из нормальной ткани, а не тонкой синтетики, которая плавилась от малейшей искры. Пусть тёмно-зелёные штаны и олимпийка были с широким синим лампасом, а не с заветными полосками, всё же предпочёл практичность моде. Да и денег сэкономил, чего уж там.

Домой поехал через вокзал, на Свободы зашёл сначала в «Башмачок», потом в «Руслан». В первом магазине купил демисезонные ботинки из прочной кожи, которые с тёплым носком мог таскать и зимой. Во втором потратился на сорочку и брюки, чтобы не выделяться на фоне других абитуриентов. Всё верно – от идеи продолжить образование я отказываться не собирался и уже даже сдал документы в приёмную комиссию политеха.

Остаток денег – а стопка наличных хоть и потощала, но всё ещё продолжала внушать определённое уважение, – я решил потратить на цветной телевизор. И дело было даже не в том, что неправедно нажитое жгло руки, просто не имело ни малейшего смысла делать накопления на чёрный день в рублях. Что такое инфляция теперь знали даже дети, а в новостях к ней всё чаще добавляли приставку «гипер-». Деньги обесценивались, цены росли как на дрожжах.

Но то – рубли. А вот взятую с тела Большака свободно-конвертируемую валюту я придержал. Сложил рыхлую стопку купюр в полиэтиленовый пакет, накрыл его края полосками фольги, запаял утюгом. После убрал в жестяную баночку из-под леденцов монпансье и заныкал в старый тайник под гаражом. Триста двадцать семь долларов и сто восемьдесят пять дойчмарок могли стать неплохим подспорьем, если возникнет срочная необходимость в деньгах, им инфляция была не страшна. Ну а в жестянке и крысы не сожрут, можно даже не волноваться.

Я и не волновался. Как не особо переживал и по поводу возможного интереса со стороны ментов. Пообщался уже со старшим оперуполномоченным Козловым, поговорил с товарищем капитаном по душам…

22|06|1992

В понедельник дядя Петя разбудил в начале десятого. Обычно я не валялся в кровати допоздна, но весь тот, как сейчас модно говорить, уикенд отходил от последствий сотрясения мозга, а потому отсыпался и по возможности соблюдал назначенный самому себе постельный режим. Голова была словно деревянная, всю её правую сторону ломило, да к тому же подташнивало, и не хотелось ни есть, ни пить. Пить – это не только в плане алкоголя. Несладкий чёрный чай оставался единственным напитком, который худо-бедно принимал организм; от всего остального немедленно начинало полоскать.

На улицу эти дни я и носа не казал. У Андрюхи Фролова и у того не вышло припрячь к сборке мебели; он всерьёз обиделся и даже пришёл разбираться, но поглядел на мою забинтованную голову и лишь махнул рукой, решив на время припахать к работе Рому.

Ну а в понедельник участковый принёс повестку. Отдал под роспись, ладно хоть ещё в отделение не отконвоировал. Хотя… это бы всё упростило, так пришлось добираться самому.

Когда вошёл в уже знакомый кабинет, капитан Козлов смерил меня оценивающим взглядом, потом указал на стул и спросил:

– С головой что?

– С мопеда упал, – озвучил я свою версию и не произнёс больше ни слова.

Опер затушил сигарету, отошёл от окна к рабочему столу и задал новый вопрос:

– Гражданина Сивко Александра Николаевича знаешь?

Я на миг задумался, потом коротко ответил:

– Нет.

– Сосед твой по дому, больше известен как Сивый, – подсказал тогда капитан.

Сердце так и дёрнулось, а в голове заметались дурные мысли: «неужели наследил?!».

Неужели… Неужели…

Хрена лысого! Наследил бы, в браслетах сюда привезли и уж точно понедельника дожидаться не стали.

– А! Этого знаю, – подтвердил я и сразу поправился: – Знал. Но только в лицо, общаться – не общался. А что?

Капитан Козлов миг сверлил меня напряжённым взглядом, потом спросил:

– А Георгий Буньков – общался?

Я выдержал паузу, затем выдал заранее обдуманную полуправду:

– Вроде, он у него машину чинить собирался. Хотел, по крайней мере.

– Так они общались?

– Насчёт ремонта он в сервис Сивого точно заходил. Насчёт общения – не скажу.

Опер начал заполнять шапку протокола и уточнил:

– И когда Буньков заходил к Сивко?

– Перед разговором со мной в день своей смерти.

Козлов оторвался от листа и нахмурился.

– Почему раньше не сказал?

– Никто не спрашивал.

– Подпиши.

Я привычно уже сделал требуемую надпись внизу листа, но капитан и не подумал меня отпустить. Он убрал протокол в папку и выложил на стол прямоугольник фотокарточки.

– Знаешь его?

– Антон Буньков, двоюродный брат Геры… Георгия.

– А этот гражданин знаком?

На этот раз на снимке оказался изображён Кирилл, валютный спекулянт с Зелёного базара, и направление, которое приобретал допрос, не понравилось мне до чрезвычайности.

Неужели всё же проследили связь с бойней в недостроенном посёлке? Чёрт! Да Козлов же сам на меня грузин натравил, ещё бы он не проследил! Гадство какое!

– Ну так что? – поторопил опер.

Я немного поколебался, потом ответил чистую правду:

– Если ничего не путаю, это торгаш, на которого Антон Буньков работал. Как зовут – не подскажу, у него точка на Зелёном.

– А знаешь ты это…

Фраза осталась недосказанной, да завершать её и не было никакой нужды.

– Кто-то из пацанов показал, когда на Зелёный за шмотками ездил, – пояснил я.

– Кто?

– Не помню.

Конкретное имя капитан Козлов вытягивать не стал, вместо этого разложил на столе ещё четыре фотоснимка – все посмертные. Большак, Смирнов и пара их подельников.

Я судорожно сглотнул.

– Ну? – дёрнул меня опер.

Пришлось постучать пальцем по карточке с изображением Марадоны.

– Не помню, как зовут, в одну спортивную секцию с ним до армии ходил. Остальных не знаю.

И тогда совершенно ожидаемо на стол лёг очередной фотоснимок.

– Можешь не напрягать память, – недобро улыбнулся капитан, – это Лидия Светлова. Твоя соседка, не так давно похищенная, изнасилованная и убитая.

Меня передёрнуло, но присутствия духа я не потерял и потребовал объяснений:

– Ну и на фига вы мне это всё показываете?

– Минуту, – попросил опер и выложил три следующих фотографии. На них ожидаемо оказались запечатлены мёртвые грузины. – Видел их когда-нибудь?

– Этих не знаю, – ответил я, поскольку и в самом деле их не знал.

Козлова мой ответ не устроил, и он с нажимом произнёс:

– Я спрашиваю, ты их видел?

– Не припоминаю.

Только ответил, и опер резко подался вперёд, задрал рукава моей олимпийки.

– Вы чего, блин?!

Я вырвался, вскочил со стула и быстро оправил их обратно, но от милиционера короста ссаженной кожи на правом запястье точно не укрылась. Он достал из пачки сигарету и указал на дверь:

– Свободен.

Вот тут мне и сделалось не по себе; я замер в замешательстве. Выйду – конец. Этот выродок меня точно грузинской группировке сдаст. Он ведь неспроста след от наручников искал…

– Свободен! – повторил Козлов и поднялся из-за стола. – Двигай!

Ну я и двинул. Опер покинул отделение вслед за мной, щёлкнул зажигалкой, затянулся и вдруг предложил:

– Хочешь, расскажу, как всё было?

Наверное, стоило отсюда бежать без оглядки, но от пули не убежишь, и я кивнул.

– Пришёл из армии, ни работы, ни денег, страну и ту в унитаз за время службы спустили, – начал тогда старший оперуполномоченный. – Но были друзья-уголовники и богатый сосед, а у соседа дочка. Похитить её точно ты предложил.

Я спокойно выдержал взгляд собеседника и хмыкнул.

– Да неужели?

– Именно так! Больше некому. Только всё пошло наперекосяк. Мало того, что у отца жертвы сердечный приступ случился, так ещё друг втравил в авантюру с

автоподставой, ограблением и перестрелкой. И у тебя под ногами начала гореть земля. С одной стороны, подельники наседают, которые никак выкуп получить не могут. С другой стороны, родственники жертв по второму эпизоду пытаются виновных отыскать. Но ты не растерялся, свёл всех в одном месте, где они друг друга и положили. А может, и сам выживших добил. Уверен, так всё и было!

– Нескладная история получается. Прокурор не примет.

– У тебя след на правом запястье, а в сожжённом автомобиле найдены наручники и выломанная потолочная ручка, к которой тебя приковали.

– В каком ещё автомобиле?

– Да брось! Ты и голову не при падении с мопеда разбил, а прикладом автомата получил, на нём следы крови остались. Группа – совпадает. И тело Светловой там же в подвале недостроенного особняка нашли. Для выдвижения обвинения мало, говоришь? Так мы и без прокурора обойдёмся!

Существовал немалый риск, что разговор записывается, но я не сдержался и зло выдал:

– Без прокурора – это как в прошлый раз, когда грузинам меня сдал, да? Вышел, по плечу похлопал, сука…

К моему удивлению капитан не вспылил и лишь пожал плечами.

– С тобой просто собирались поговорить.

– Сам-то в это веришь? Или просто совесть успокаиваешь? Хотя какая совесть? Откуда она у мента продажного?!

Тут Козлов покраснел от злости и даже наметил движение вперёд, но сдержался и сделал несколько быстрых нервных затяжек, прежде чем выкинуть окурок в урну.

– Я просто искал убийцу, – произнёс он хриплым голосом. – У тебя был шанс мне всё рассказать, пошёл бы по делу свидетелем, самое большее условный срок

схлопотал. Но не захотел сотрудничать, отмолчаться решил. Так кто виноват, что самого в оборот взяли? А торговля валютой – это торговля валютой. Не наркотики, не оружие, не похищение людей. Да и не прикрывал я их, от сроков не отмазывал, просто на одного беспредельщика наводку дал. Можно сказать, обществу услугу оказал.

Я не выдержал и заржал.

– Ты моё запястье видел, так прикинь – как на нём браслет наручников оказаться мог? Не похищение, говоришь? Или, полагаешь, те грузинские отморозки на встречу пустыми отправились? Кто тогда мне по голове прикладом врезал?

– Плевать и на них, – отрезал капитан Козлов, – и на твоих дружков-бандитов. Но за Светлову ты ответишь.

Я досадливо поморщился и спросил:

– Ты ведь и сам в это не веришь, так? Концы с концами не сходятся, всё шито белыми нитками. Поэтому и на откровенность вызываешь, хочешь знать наверняка. Иначе давно бы своих носатых подельников натравил!

Козлов скрестил на груди руки и выжидающе посмотрел.

– Антон Буньков, – не стал я отмалчиваться на этот раз, – и его работодатель, тот спекулянт с рынка, который валютой торговал. Не думал, как они со всем этим связаны?

– И как же?

– Антон дружил со Светловой, это тебе любой подтвердит. А у барыги была крыша. Вот так, полагаю, всё и срослось. Антон сболтнул о богатеньком папеньке подружки боссу, тот предложил бандитам подзаработать.

– А ты?

Я оскалился, окончательно позабыв об осторожности.

– А на меня ты напустил тех горцев отмороженных! Я всего-то им и сказал, что у Геры Бунькова двоюродный брат со дня перестрелки дома не появляется, а его наниматель валютой на рынке торгует! Просто хотел, чтобы отвязались, а эти гении меня в оборот взяли и на Зелёный повезли. Я им должен был барыгу показать. Ну и показал на свою голову, что ещё оставалось? В итоге они за ним проследили до заброшенного посёлка, машину со мной в переулке бросили и ушли. Что там дальше случилось – знать не знаю. Как стрельба началась, я ручку, к которой прикован был, сорвал и ноги сделал.

– Кто тогда машину во двор коттеджа отогнал и сжёг?

– Тот, кто выжил. Кто ещё?

Опер с задумчивым видом достал сигарету, но прикуривать её не стал, убрал обратно в пачку.

– Ладно! Я проверю, а пока – живи. – Он наставил на меня указательный палец и предупредил: – Только заруби себе на носу – в следующий раз так легко не отделаешься. Либо за решётку отправишься, либо на кладбище. Я тебе это обеспечу, не сомневайся.

Он поднялся на крыльцо и скрылся внутри, я тоже у отделения задерживаться не стал. Пошёл жить дальше. Но привкус от разговора остался на редкость неприятный. Будто в долг сколько-то времени отмерили, а как расслаблюсь, так за жабры и возьмут.

Засада!

02|07|1992

день-вечер

Домой возвращался через вокзал. Вдоль путей там разбили табор цыгане – не местные, а приехавшие чуть ли не из Таджикистана, по территории слонялись какие-то мутные личности и бродяги, а сотрудники линейной милиции на

транспорте провожали столь цепкими и злыми взглядами, что было совершенно непонятно, кого следует опасаться больше: жуликов или их самих.

По пешеходному мосту я перешёл на другую сторону путей и решил не топать пешком до «Авроры», чтобы сесть там на троллейбус, а вместо этого минут пятнадцать куковал на остановке, зато дождался автобуса тринадцатого маршрута и покатил домой. Зайцем, как водится, – заранее билеты купить не удосужился, а на остановке киоска не было. Да и мысли такой не возникло, если честно.

Когда выбрался из дребезжавшего всем, чем только можно, жёлтого «пазика», то сразу обратил внимание на выгоревшую коробку коммерческого киоска на другой стороне улицы. Та уже еле чадила, но пожарная машина ещё не уехала, огнеборцы только-только сматывали шланг. Не обошлось и без зевак – поодаль стояли неизменные старушки из соседних домов и случайные прохожие, отдельно кучковалась компания пацанов. Я углядел там Саню-Татарина и Митю Новика, подошёл поздороваться, заодно спросил:

– Чего здесь такое случилось?

– Говорят, в окошко бензином плеснули и подожгли. Хорошо хоть дверь не подпёрли, продавщица выскочить успела, – просветил меня кто-то из парней. – По ходу дела за крышу не заплатили.

– Или беспредельщики наехали, – предположил Саня. – Мы так раз на «Авроре» в окошко пускач сунули, сказали бутылку водки дать и пару пачек сигарет.

– Дали? – заинтересовался Новик.

– Ага, потом догнали и ещё раз дали, – рассмеялся татарчонок. – Из киоска амбал под два метра вышел, мы как чесанули оттуда! Давно так не бегал.

– Нет, тут не пацаны наехали, – послышался голос, хриплый и простуженный. – Тачка отъехала, сам видел. То ли «четвёрка» жёлтая, то ли «волга» длинная. Без очков сегодня, не разобрал.

– О, Стас! Как сам? – поприветствовал я подошедшего одноклассника.

– Потихоньку, – пожал тот протянутую руку, почесался и вздохнул. – Слушай, Енот, я очки разбил. Не займёшь на новые?

Выглядел Стас Рыжов не лучшим образом: под воспалёнными глазами набухли тёмные мешки, а кожа казалась слегка желтоватой, да и похудел он заметно. Я нисколько не сомневался, что деньги он потратит вовсе не на очки, но всё же полез в карман и вытянул три мятые десятки.

– Держи, – сунул их однокласснику, даже не спросив, когда отдаст.

«Займи» в его случае – это дай и забудь.

– О, благодарствую! – потряс мне руку Стас и оглядел парней, но больше ни у кого взять в долг не попытался, вместо этого спросил: – Карбида не видели? Должок за ним.

Помочь Рыжову никто не смог, он ссутулился и, шаркая кедами по асфальту, поплёлся прочь. Митя Новик глянул ему в след и негромко произнёс:

– Вроде, спид у него.

– Да ладно? – поразился я.

Саня-Татарин закурил, выдохнул дым и кивнул.

– Тоже слышал.

Я покачал головой, попрощался со всеми и ушёл, прежде чем начались расспросы о содержимом пакетов и распоротой башке. Во дворе на сдвинутых лавочках у третьего подъезда заседал местный «сплетсовет», и при моём появлении глазастые бабушки сразу зашушукались пуще прежнего. Дальше за вкопанным под раскидистым деревом столиком расположилась компания мужичков; оттуда то и дело доносился характерный стук – шла игра в «Домино».

Дяди Пети среди игроков не было, он обнаружился дома, непривычно трезвый и чем-то крайне озадаченный. Этим «чем-то» выступала бутылка вина. Именно – вина, а не портвейна или ещё какого креплённого плодового-ягодного пойла,

которое дядька по обыкновению начинал принимать с самого утра.

Я разулся, подошёл и фыркнул, разглядев надпись на этикетке: «Нежность».

– Дядь Петь, ты не заболел часом? Ты ж нормальное вино сроду не пил!

– Я вино почему не пил? – хитро улыбнулся дядька в прокуренные усы. – Потому что у меня бабы не было!

– А! – понял я. – Опять кто-то из соседок купился на россказни о том, как ты в таранную атаку на корабли американской военщины шёл. Стой! Мы ж теперь, вроде, с НАТО друзья? Неужели кто-то ещё ценит твою службу тоталитарному коммунистическому режиму?

– Не ценят либо дуры, либо малолетки, – веско ответил дядя Петя. – И с теми, и с другими связываться себе дороже. И ты, давай, завтра на работу выходи без фокусов. У меня планы на квартиру.

– Да без проблем, – пожал я плечами и полез в холодильник смотреть, чего можно по-быстрому сожрать.

Наигрывавший песню о коралловых бусах проводной радиоприёмник умолк, после недолгой паузы пропищали сигналы точного времени и начался выпуск новостей.

– Продолжается война в Приднестровье, вновь принявшая формы позиционной. На истекшей неделе перестрелки с использованием не только стрелкового оружия, но и артиллерии и минометов происходили в районе городов Бендеры, Дубоссары и Григориополь, – произнёс хорошо поставленный женский голос, и дядя Петя досадливо выругался и выключил радио.

– Хоть вовсе новости не слушай! – проворчал он. – Мир с ума сошёл! В Югославии и Нагорном Карабахе невесть что творится, в Латвии русских права голоса лишили, в Свердловске «афганцы» два дома захватили, требуют, чтобы им квартиры выделили! Можешь себе это представить?

Я только рукой махнул и, поскольку ничего готового в холодильнике не обнаружилось, а самому кашеварить не хотелось, унёс покупки в комнату, переоделся в спортивный костюм и двинул на улицу.

Андрей Фролов уже пришёл со смены, сонный-сонный он открыл на звонок и запустил меня в квартиру.

– Ты один? – спросил я.

– Ага, – подтвердил Андрей и почесал живот. – Родаки на даче, Анька в кафетерии.

– Оп-па! – поразился я. – Так она к тебе перебралась?

– А чего ей в общаге жить?

– Красавчик! – порадовался я за друга. – А есть пожрать чего?

Фролов позвал меня на кухню.

– Анька готовит – пальчики оближешь. Я так растолстею скоро.

– Ты – не страшно. Главное, чтобы не она, – рассмеялся я.

– Не завидуй, – отшутился Фролов и разложил по тарелкам из стоявшей на плите сковородки макароны, но не обычные и не по-флотски, а помимо тушёнки заправленные ещё чем-то вроде плавленого сыра. – Ты чего припёрся? Только не говори, что опять меня с мебелью прокинуть хочешь.

– Не, сегодня выхожу.

Я попробовал макароны и одобрительно кивнул. И в самом деле – вкусно.

Андрей налил воды в чайник, поставил его на плиту и спросил:

– Чего тогда?

– Да я денег занял, телик хочу купить.

– Ну ни фига ты богатенький Буратино!

– Сказал же: в долг взял. Поможешь дотащить от «Солнышка», если там присмотрю чего?

– Помогу, но с тебя простава.

– Да уж как без этого!

Чайник засвистел, и мы начали пить чай, потом двинулись за телевизором. По дороге Андрей поглазел на сожжённый киоск, а дальше мы миновали общагу с поликлиникой и вышли к жилому дому, весь первый этаж которого занимал магазин «Солнышко». Там продавали игрушки, детские товары и одежду, нам был нужен отдел с теле-радиотехникой. Ни цены, ни выбор не порадовали, единственным доступным вариантом оказался прибалтийский «Таурас», который, по словам продавца, просто не успели переоценить.

– Дециметровые каналы принимает? – со знанием дела уточнил Андрей.

– Принимает.

Привычной мне круглой ручки переключения каналов на передней панели не обнаружилось, имелся только ряд кнопочек из красного пластика, пронумерованных от единицы до шести. Этот блок выдвигался вперёд, частоты настраивались отдельно подкруткой небольших колёсиков.

– И вот ещё, – подсказал продавец, убрав пластиковую шторку, за которой скрывались разъёмы для подключения магнитофона и рукоятки регулировки насыщенности, яркости и контраста. – Очень удобно, не нужно за телевизор соваться.

– Его бы включить, – попросил я, не желая отдавать деньги за кота в мешке.

– Можно и включить.

Загорелась кнопка за номером один, из динамика понеслось:

Капитан Каталкин – козырной валет…[2 - «Капитан Каталкин», Александр Буйнов.]

Некоторое время спустя проявилось изображение вокалиста ансамбля «Весёлые ребята», прыгавшего на какой-то лестнице в кожаных фуражке, плаще и высоких ботинках.

– Нормально, нет? – встал рядом со мной Андрей.

– Да, вроде, – пожал я плечами и полез за деньгами. – Беру!

– Поди уже и кабельное провёл? – спросил Фролов.

– Вечером подключать придут. Подваливай.

– Делать больше нечего! У меня давно кабельное, там после двенадцати фильмы для взрослых крутят, их самое то с Анькой смотреть.

Продавец принял деньги и выбил чек, потом долго и муторно выписывал гарантию, затем пропал минут на двадцать, но всё же отыскал на складе коробку из-под телевизора, и мы поволокли чудо техники домой. И всё бы ничего, только весило это самое чудо килограмм сорок, не меньше.

Дядя Петя нашему приходу удивился. Очень сильно и в насквозь непечатной форме. Да ещё с морскими загибами, показавшимися сухопутной крысе в моём лице чересчур уж… притянутыми за уши, что ли? Хотя не за уши, конечно, речь там о других частях тела шла. Преимущественно о гениталиях.

– Деньги занял, – объяснил я происхождение средств на покупку телевизора.

– Ага! – упёр руки в боки дядя Петя. – То есть конфискации имущества можно не бояться?

– Какая конфискация? Я ещё даже на работу не вышел, при всём желании ничего стырить не мог!

– Было бы желание, а что стырить – найдётся!

Я только рукой махнул. Мы занесли телевизор в комнату, но так сразу установить его не получилось. В старый снизу вкручивались ножки, «Таурус» потребовалось водрузить на тумбочку.

– Ерунда какая! – проворчал дядя Петя, но изображением остался доволен, да и диагональ в шестьдесят один сантиметр его всецело устроила.

Мы с Дюшей отволокли старый агрегат в гараж, после этого с чувством выполненного долга купили две трёхлитровки пива, а от ларька двинулись с ними прямиком к Гуревичам, логично рассудив, что способны совместить приятное с полезным – то есть распитие алкогольных напитков и сборку мебели.

Тихон Морозов, который числился кем-то вроде кладовщика, оказался на месте, но в гараж банки пришлось заносить тайком вовсе не из-за него, просто помимо Толстого присутствовал и Гуревич-старший – невысокий худощавый мужчина лет сорока в светлом летнем костюме и сорочке без галстука с расстёгнутым воротником.

– Здравствуйте, Роман Маркович! – сразу направился к нему Фролов, дав мне возможность незаметно убрать сумку с банками за один из диванов.

– Здравствуй, Андрей! – ответил хозяин цеха-склада. – Нам бы со сборкой ускориться. Сможешь обеспечить? И надо подыскать водителя на неполный день. По случаю «УАЗ» четыреста пятьдесят второй подвернулся. Завтра пригонят, хоть будет на чём заказы развозить.

– «Буханка», что ли? – влез я в разговор.

– Да, Сергей, «буханка», – подтвердил Гуревич и выжидающе посмотрел на Андрея, которого из друзей сына полагал самым серьёзным. – Готов бригаду на себя взять?

По нынешним временам слово «бригада» приобрело совсем уж нехорошее значение, но сейчас речь шла вовсе не об организации банды, так что Фролов уверенно кивнул.

– Базара нет! – выдал он и замялся. – Э-э-э… В смысле – не вопрос, справлюсь. Водитель точно будет – Саша Романов помимо сборки мебели займётся. И ещё одного человека привлечём, чтобы работу по нормальному графику организовать.

– Тогда это на тебе, – одобрил такое решение Гуревич.

– А с торговлей сахаром что? – спросил Андрей. – Получится обороты увеличить?

Роман Маркович только руками развёл.

– Никак подходящее помещение не могу найти, реально снять только часть складка, но без фасовки объёмы не нарастить. Вы дальнюю часть гаража освободите пока, оптовики цены снижают – буду закупаться по возможности. Надо делать запасы, к осени всё подорожает, – сообщил он и вышел из бокса. У ворот стояли белые «жигули» седьмой модели, на них Гуревич и уехал.

Андрей почесал затылок и спросил:

– Тиша, не хочешь сборщиком поработать? Пока четвёртого в пару Роме не найду?

Тот поморщился и согласился с крайней неохотой.

– Если только на время, на мне и так весь учёт. Это сейчас каникулы, а так-то я в техникуме на бухгалтера учусь.

– На время, само собой, – уверил его Фролов и махнул рукой. – Серый, наливай!

Я дошёл до стола, взял две семисотграммовые банки, обернулся и спросил:

– Тиша, пиво будешь?

– Не! – замотал головой Толстый, оттянул рукав клетчатой рубахи и посмотрел на часы. – Я сегодня со своей в кино иду. По газировке вдарю.

Мы с Андреем настаивать не стали, резонно рассудив, что нам больше достанется, и начали собирать диван. Как я и предполагал, дело это оказалось не слишком сложным, да и Фролов уже успел руку набить, так что работа шла споро, а попутное употребление пива на её скорости нисколько не сказывалось. Тут вставить, здесь забить, где-то натянуть, что-то ввинтить – нормально.

– Тиша, комплектов много осталось? – спросил Андрей некоторое время спустя.

– Могу посмотреть, – отозвался Толстый, который увлечённо шуршал страницами газеты и даже делал какие-то пометки в блокноте. – Там ещё кухни и стенки привезли, так сразу не скажу.

– Глянь потом. Пока не горит.

Постепенно начало смеркаться, и мы включили свисавшую на проводе с потолка стоваттную лампочку, а там подошли Лёня Гуревич и Саша Романов, которые сначала налили себе пива из дождавшейся их трёхлитровки, а потом расположились перед телевизором и включили игровую приставку.

По пути Рома наступил на пластиковую пробку от бутылки с газировкой и поскользнулся на ней.

– Всё, на пробку наступил! – рассмеялся Толстый.

– И чего? – не поняли мы.

– Примета такая! – пояснил Тихон. – Кто на пробку наступает, то в хлам напивается.

– Да я не против! – рассмеялся Рома. – Только с чего тут?

И в самом деле – Романов тот ещё шкаф и печень прокачана; даже если всё оставшееся пиво в одного выпьет, и то сильно не захмелеет. А каморка с ромом на замке.

– Рома, в водители пойдёшь? – спросил Фролов. – На «буханке» сахар и мебель по точкам развозить.

– А что по деньгам?

Андрей указал пальцем на Лёню, но тот пошёл в отказ.

– Не, Дюша, это с папой обсуждай.

Рома пожал плечами.

– Пойду, всё лучше, чем с мебелью мудохаться.

– Развоз дополнительно к сборке, – пояснил Андрей.

– О! Так денег больше будет? Я согласен! – оживился Романов, допил пиво и поднялся с дивана. – Пацаны, не теряйте! По такому случаю сбегаю соточку накачу, пока кафетерий не закрылся.

– Ну точно на пробку наступил! – усмехнулся ему в спину Толстый и разложил на столе газету. – Слушайте, а может компьютерами начнём торговать? Четыреста восемьдесят шестые как машина стоят, можно даже не смотреть, но за триста восемьдесят шестые в Москве на этой неделе от двухсот шестидесяти тысяч просят.

– Всё равно не потянем, – отмахнулся Лёня Гуревич, выдернул из приставки картридж «Супер братьев Марио» и воткнул другой сборник, где были «Танки».

– Можно двести восемьдесят шестые посмотреть. Они от ста тридцати по прайсу идут. И комплектация нормальная: процессор шестнадцать мегагерц, оперативки мегабайт, винчестер на сорок мегов и видеокарта.

– В «Альтернативе», поди? – спросил Андрей и со смешком процитировал рекламный слоган этой фирмы: – «При всём богатстве выбора другой альтернативы нет»!

– Не, я тут на объявление наткнулся: новый дилер открылся: «Текта». Они цены на двадцать процентов ниже рынка обещают. А можно заказать бэушную технику из Америки, там по распродажам при ликвидации фирм скупают и сюда везут.

Лёня Гуревич заинтересовался, подошёл к столу и склонился над газетой.

– Не, фигня, – высказался он некоторое время спустя. – Только за валюту и полная предоплата.

– Да какие теперь проблемы с валютой? В Москве торги открыли, курс рыночный. Сто двадцать пять рублей, вроде, вчера был.

– Сколько?! – присвистнул я, припомнив о своей заначке. – А марки почём?

Толстый не знал, а Лёня постучал его пальцем по лбу.

– Думай, Тиша. Думай! Ты им предоплату в валюте, а они тебе заказ собирать будут от двух недель и до полугода. А с распродаж срок ещё больше. Вон же – написано!

– И чего? – захлопал глазами Толстый.

– Ты на что жить собрался? Слышал про оборачиваемость активов? На один компьютер мы денег наскребём, но если его месяц готовить будут, то выхлопа никакого не получится. И никто из покупателей столько ждать не станет. Останется брать то, что в наличии есть, да ещё из Москвы везти. Прогорим.

Тихон тяжко вздохнул, вырвал из блокнота листок, смял его и выкинул в мусорное ведро.

– Не парься! – утешил приятеля Лёня. – Вруби музон какой-нибудь и пошли в «танчики» зарежемся.

Толстый послушно воткнул в «Электронику-302» кассету, утопил клавишу и перебрался к телевизору. Мы с Андреем допили остатки пива, оттащили уже собранный диван к стене и занялись следующим.

– Завтра в качалку идёшь? – спросил Фролов.

– Можно, – решил я после недолгих раздумий. – Только мне на работу к десяти.

– Мне тоже в ночь. Давай послезавтра тогда.

– Давай.

Через полчаса вернулся Рома, дыхнул перегаром, спросил:

– Что за фигню вы тут слушаете?

Магнитофон негромко наигрывал что-то электронное с протяжной мелодией и одновременно чётким ритмом, периодическими пришептываниями женского вокала и будто бы средневековыми песнопениями. Тихон Морозов отвлёкся от игры и обиженно произнёс:

– Это «Энигма» вообще-то!

Рома вытащил кассету и кинул её на стол, взамен воткнул свежий альбом «Гуляй, мужик» панк-группы «Сектор Газа». После подошёл к нам. Судя по нетвёрдой походке, ста граммами водки в кафетерии он точно не ограничился, а потому не удивило и прозвучавшее предложение.

– Может, ещё пивка возьмём? А то вы без меня уже всё выдули!

– Не, – покачал головой Андрей. – Мне Аньку встречать. Закругляться пора.

– А ты, Серый, как?

– Послезавтра экзамен, готовиться буду.

– Какой ещё экзамен? Гонишь, что ли?

– В политех поступать собираюсь.

– На заборостроительный?

– Типа того.

Романов покачал головой и перехватил Тихона, который как раз хотел налить себе газировки.

– Толстый, давай бахнем!

– Я со своей в кино сегодня иду, – ответил Морозов, обогнул Романова и ушёл к столу. – Дюша, ты ромом возьмёшь или тебя в ведомость записать?

– Запиши, – сказал Андрей. – Ром есть ещё. – И уже мне пояснил: – Анька его очень уважает.

Мы оттащили и этот диван к стене, тогда вдруг отмер Романов.

– Толстый, ты с кем в кино собрался? Со своей? Тем более надо выпить! Она же страшней атомной войны!

– У тебя и такой нет, – необдуманно огрызнулся Тихон и тут же получил в пухлый бок кулаком.

Бил Рома всерьёз, но из-за опьянения удар вышел смазанным, и Морозов устоял на ногах, шустро отпрянул назад и спрятался за стол. Романов шагнул следом, и я поставил ему подножку, а Дюша перехватил и повалил на диван.

– Тихо, тихо, тихо! – придержал он начавшего вырываться приятеля. – Остынь!

– Толстый, сука, я тебя убью! – рыкнул Рома, но вопреки угрозе вырываться перестал, поворочался только и почти сразу уснул. Не уснул даже, просто отрубился, будто в мозгу рубильник дёрнули.

– Вот он насвинячился! – поразился Лёня и брезгливо скривился. – И что с ним теперь делать?

– Через часок проспится, – с видом знатока уверил его Андрей и повернулся ко мне. – Серый, ты идёшь?

Я взял со стола непочатый двухлитровый баллон «Пепси» и попросил Толстого:

– Тиша, запиши на меня.

– Ага, – оторопело кивнул тот в ответ.

Мы вышли из бокса и зашагали по проезду. Было самое начало десятого, уже смеркалось, но стемнеть на улице ещё толком не успело. Где-то играла музыка, от дороги доносился лязг троллейбусных штанг.

– Ты в кафетерий сейчас? – спросил я.

– Не, у Аньки ключи, она уже дома должна быть, – ответил Фролов.

Мы оставили позади гаражи и на входе во двор наткнулись на троицу парней в разномастных спортивных костюмах.

– О, Крол! – обрадовался один из них, неспешно поднимаясь с корточек.

Кролом Андрея прозвали в начальной школе ещё до того, как он перешёл из спортивной гимнастики в секцию самбо. Прозвище намертво прилипло из-за созвучной фамилии и шапки на кроличьем меху, но мой приятель его на дух не переносил. Именно поэтому я и начал действовать ещё прежде, чем следом прозвучало:

– Ты чё на Кислого тянешь, фраер?

Бац!

Андрюха крутанулся на левой ноге и впечатал подошву правой в грудь вставшего с корточек парня, тот перекувыркнулся через невысокое ограждение газона и рухнул в кусты. «Вертушка» вышла просто идеальной, а вот я так выпендриваться не стал и просто со всего маху ткнул донцем двухлитровой пластиковой бутылки в лицо замешкавшегося крепыша. Вес импровизированного

оружия вкупе с инерцией сбил того с ног, и лишь тогда с места сорвался последний из этой троицы.

Инстинктивно я отмахнулся баллоном, и в сторону с шипением ударила пенная струя. Распоротая ножом пластиковая бутылка полетела в долговязого парня, он отбил её левой, и пропустил пинок от зашедшего сбоку Андрея. Носок кроссовки угодил в поясницу, но дылда перо не выронил, только болезненно охнул и согнулся. А там уже из кустов полез заводила. И тоже – с ножом.

– Валим! – коротко выдохнул я, и мы резко подались назад, благо у Дюши с инстинктом самосохранения был полный порядок. Ну а мне и вовсе не хотелось связываться с братвой Кислого, не говоря уж о том, что перо в печень успокоит любого рукопашника. Ну его на фиг.

Попутно я выломал из ограждения газона штакетину, короткую, зато с парой ржавых гвоздей. Наши оппоненты сразу замедлились; мы так и зашли во двор с разницей в десяток шагов. Послышался свист, от спортивной площадки потянулись знакомые пацаны на два-три года помладше, тогда остановились окончательно.

– Ну всё, Крол, хана тебе! – пообещал заводила. Приятели Кислого развернулись и потопали прочь. Тоже – без всякой спешки. Пацанский шик, все дела.

Я выкинул штакетину в кусты и попенял Фролову на несдержанность.

– Ну вот на хрена ты тогда с Кислым сцепился, а?

– Да фигня война, прорвёмся! Братец у него совсем сторчался, точно знаю. На него теперь все болт кладут.

– Ну да, ну да…

Хорошо если б так, но меня уверения друга почему-то нисколько не успокоили. Походу, опять придётся пускач на кармане таскать…

03|07|1992

утро-день

Вечером допоздна смотрел видеофильмы по кабельному, но поблажек себе делать не стал, поднялся по будильнику в семь, принял контрастный душ, затем отжался, покачал пресс, поработал с гантелями, да ещё вышел во двор и сделал несколько подходов к турнику. Завтракал традиционно яичницей, к ней отрезал варёной колбасы, выдавил из ломтика кружки жира, глянул на просвет, вздохнул и отрезал ещё один. Заодно отметил, что вскоре придётся переходить на каши, а то и в холодильнике, и в карманах становилось как-то совсем уж пусто. Ну да сегодня первый день сторожем выхожу, начну работать, будет проще.

Всю первую половину дня я штудировал учебник алгебры за выпускной класс и решал задачки из сборника для абитуриентов ВТУЗов, к обеду от столь интенсивной подготовки к завтрашнему экзамену откровенно утомился. Когда позвонил Андрей Фролов и позвал на пляж, согласился без раздумий и колебаний, тем более что на градуснике красная полоска уверенно приближалась к отметке с цифрой «тридцать».

– У Аньки через полчаса смена заканчивается, – сказал Дюша. – Подваливай к этому времени, вместе от кафетерия двинем.

– Хорошо, – сказал я, положил трубку на рычажки и отправился на кухню, решив по-быстрому что-нибудь перекусить.

Только заглянул в кастрюлю, и задребезжал дверной звонок, но из своей комнаты как раз вышел дядька, он и открыл.

– Привет! – поздоровался с ним пузатый мужик с третьего этажа и прямо с порога спросил: – Слушай, Пётр, не выручишь до получки?

Прозвучало просьба как-то слишком уж нахраписто, наш гость немного даже смутился и пояснил:

– Да понимаешь, просто второй месяц на хлебе и молоке сидим. Весной младшему гуманитарку из Германии в школе выдали – муку, крупы там всякие, ещё что-то по мелочи, так легче было, а сейчас последний хер без соли доедаем. У моей день рождения на выходных, думал, хоть ножек Буша взять и с картошкой запечь. Юбилей как-никак.

Дядя Петя с сомнением встопорщил рыжеватые из-за беспрестанного курения усы и покачал головой.

– Не, денег не займу. Не водятся они у меня. Я ж пьющий. – И дядька для наглядности щёлкнул себя по кадыку. – Могу тушёнки дать и макарон. Вернёшь, как сможешь.

Толстяк кивнул.

– Спасибо, Пётр! Выручил!

Дядя Петя пошарил в шкафу, отнёс к двери жестяную банку с коровой на этикетке и пару пакетов с «перьями». Запер дверь и вернулся на кухню.

– Вот они – плоды шоковой терапии! В семье два человека работают, не пьют, а денег толком на еду не хватает! – заявил он мне и указал на плиту. – Суп ешь. «Со звёздочками», последний пакет сварил.

Я наполнил тарелку, сполоснул черпак и сел за стол.

– А денег чего не дал? – спросил, когда дядька приоткрыл окно и закурил.

Тот фыркнул.

– Я ж не волшебник в голубом вертолёте благотворительностью заниматься! Что я на эти деньги потом куплю с такой-то инфляцией? Он мне фантики вернёт и будет считать, что рассчитался. Не брать же проценты, не по-людски это. А тушёнка и макароны – они и есть тушёнка и макароны. Как-то так.

Я кивнул, смолотил тарелку супа и пошёл собираться на пляж. Ну как собираться – новые спортивные штаны натянул и майку-борцовку. Да ещё после

недолгих раздумий в карман пусковое устройство с вкрученной «мортиркой» сунул. На всякий случай, ага…

Во дворе знакомых не встретил, дошёл до угла дома и уже там в тени девятиэтажки наткнулся на Андрея и Рому. Первый нарядился по пляжному – в длинные шорты-бермуды, сланцы и сетчатую безрукавку, а на плечо набросил матерчатую сумку с бутылкой газировки и покрывалом. Второй, такое впечатление, и вовсе не ложился спать, был помят и поддат, его широкое лицо казалось непривычно бледным.

– Да я вчера и выпил всего соточку! – уверял он Фролова. – Хочешь – побожусь? Дюша, вообще понять не могу, с чего меня так вынесло! Встал – башка трещит, ну и подлечился с утра. Ты ж не говорил, что прямо сегодня за руль садиться нужно!

– Ты только в запой не уйди, – попросил Андрей, снял тёмные очки и нацепил их на голову. – Здоров, Серый!

– Привет-привет!

Мы обменялись рукопожатиями, и Фролов заметил мою новую цепочку.

– Ну ни фига себе! Где урвал? – поинтересовался он.

– Там нет больше, – отмахнулся я и спросил: – Твоя не освободилась ещё?

– Сейчас выйдет.

Я взглянул на кафетерий и обратил внимание на стоявший перед ним угловатый автомобиль, своими формами напоминавший то ли иномарку, то ли «девятку» с багажником; такого раньше на глаза не попадалось.

– Что за модель у серой тачки? – кивком указал я на машину.

Рома фыркнул.

– Блин, Серёга, это ты у нас Серый! А цвет называется «мокрый асфальт».

– Да и хрен бы с ним. Модель какая?

– «Девяносто девятая», – пояснил Романов. – С год назад на ВАЗе выпуск наладили. С завода стоит под лимон. Как две «пятёрки», прикинь?

Он зашагал к автомобилю; мы с Андреем остались стоять на углу.

– Алёнку хахаль привёз, – сказал тогда Фролов и полюбопытствовал: – Ты хоть присунул ей в тот раз?

Я сплюнул под ноги и досадливо поморщился.

– Блин, Дюша! Я же тебя об Аньке не спрашиваю, так?

– А чего тут такого? – непритворно удивился Фролов. – Аньку я во все дыхательно-пихательные через день да каждый день приходую. Любит она это дело.

В иной ситуации я бы только молча позавидовал, но сейчас откровения Дюши невесть с чего резанули по живому.

– Она сам процесс любит или именно с тобой? – хмыкнул я и сразу о своих словах пожалел, обнял напрягшегося приятеля и похлопал его по спине. – Прости дурака, глупость сморозил. Завидую белой завистью просто. Мне до твоих достижений большого секса далеко, Алёнку на две трети только раскрутил.

– В смысле? – удивился Андрей и встопорщил ладонью короткий ёжик выгоревших на солнце волос, едва не смахнув при этом с головы солнцезащитные очки. – На две трети – это как?

– Сам же про дыхательно-пихательные разговор начал! Сколько их по-твоему? Не три разве?

– А-а-а! Ты в этом плане! – рассмеялся Фролов. – Просто решил, ты длину имеешь в виду! Ещё думаю, он прямо в процессе замеры делал, что ли? Геометр херов!

Мы поржали, я вытер выступившие от смеха слёзы, и тут стеклянная дверь кафетерия распахнулась, на улицу вышел крепыш лет двадцати пяти в брюках и рубашке с коротким рукавом. Он что-то сказал Роме, тот передёрнул плечами, бросил разглядывать «девяносто девятую» и направился обратно к нам.

– Охранник бдит? – догадался я.

– Водитель, – покачал головой Андрей. – Охранник поздоровее будет. Тот ещё шкаф.

– Чем больше шкаф, тем громче падает, – усмехнулся я.

– Зато из-за него в хозяина сложнее попасть, – сказал Фролов и оживился. – О, идёт!

И точно – на крыльце кафетерия появилась Аня в простом светлом платьице до колен. Она лёгкой походкой зашагала по тротуару, и Рома поспешил с нами распрощаться.

– Всё, пацаны, давайте до завтра! С вами не пойду, развезёт на жаре!

Солнце и в самом деле припекало, день выдался знойным и безветренным, мы останавливать приятеля не стали и отправились на пляж втроём. Но только двинулись к дороге, и Аня попросила:

– Ребята, давайте не побежим?

Движение было не слишком интенсивным, а до пешеходного перехода выходил изрядный крюк, и я посмотрел на Андрея с нескрываемым сомнением. Тот перехватил мой взгляд и предложил:

– Ты иди место присмотри, а мы прогуляемся.

Я перебежал через дорогу, принялся лавировать меж отдыхающих, которых по случаю хорошей погоды оказалось на пляже очень даже немало, и почти сразу послышалось:

– Серёжа!

Обернулся на окрик и увидел Зинку Марченко, та помахала ладошкой.

– Серёжа, айда к нам!

Загорала соседская девчонка не одна, а в компании сверстников, и я немного поколебался, но всё же подошёл к их расстеленным на земле покрывалам. Просто решил воспользоваться случаем глянуть на Зинку в купальнике и разочарованным, надо сказать, нисколько не остался. Ноги у девчонки оказались ожидаемо длинными и стройными, талия тонкой, а грудь даже крупнее, нежели предполагал. Её лишь самую малость тронутую загаром кожу усеивали веснушки, две чёрные косички задорно топорщились в разные стороны, в серых глазах мелькали искорки-смешинки.

– Если ты загорать, то присоединяйся! – предложила соседка, ясно давая понять, что парочка молодых людей сопровождает её подружек.

Одного из парней, к слову, уже видел раньше – именно его с приятелями шуганул с Зинкиного этажа две недели назад. Но это был не тот бычок, что спускался с демонстративной неохотой, и я поминать былое не стал, спокойно пожал протянутую руку.

– Денис, – представился парень.

– Сергей, – вслед за ним произнёс его товарищ, худой и длинноволосый, на цепочке которого вместо крестика болталась обычная английская булавка.

– У нас два Сергея! – обрадовалась кудрявая девчонка, которую встречал в компании Зинки и прежде. – Можно желание загадывать!

Фигурой она больше походила на мальчика, и лиф купальника как-то особо даже не оттопыривался, а вот их подружка с длинными русыми волосами и круглым простоватым лицом, наоборот, отличалась крупным сложением. Не дурнушка, скорее наглядное подтверждение правила, что из трёх подруг одна обычно будто специально подобрана для подчёркивания красоты остальных.

– Ксюша и Зоя, – представила девчонок Зинка и вдруг охнула, заметив протянувшийся у меня над правым виском рубец. – Ой, Серёжа, а с головой у тебя что?

– Бандитская пуля, – усмехнулся я.

– Я серьёзно!

– В аварию попал. Ерунда, почти зажило уже.

Соседка кивнула, приняв мои слова на веру и указала на покрывало рядом с собой.

– Садись!

Помимо одежды, сумок, открытой бутылки «Дюшеса» и колоды карт на покрывале валялись пачка «Родопи» и коробок спичек, но курили в компании, насколько понял, только пацаны.

– Да я не один, – пожал я плечами. – Сейчас Андрей со своей девушкой подойдёт.

– Всем места хватит, – уверила меня кудрявая Ксюша. – Вместе веселей!

Едва ли молодые люди разделяли эту точку зрения, но их мнение никого, похоже, не волновало. Я подумал-подумал, да и снял майку, благо синяки на рёбрах давно поблёкли и больше не бросались в глаза. Затем оглядел пляж, заметил Фролова и помахал ему рукой, а после уселся на покрывало и разулся.

Подошёл Андрей расстелил по соседству собственное покрывало. Анна сразу стянула через голову лёгкое ситцевое платье и осталась в закрытом купальнике. За последнее время она самую малость похудела, и стала выглядеть даже лучше, чем в нашу прошлую встречу – как видно, кувыркания в постели с Андреем оказались куда эффективней занятий аэробикой.

На парней стати продавщицы произвели впечатление просто неизгладимое, и Ксюша с Зоей мигом насупились, да и Зинка уставилась на меня, словно ждала какой-то реакции. Но не ворохнулось ничего и нигде. Самоконтроль на высоте,

да и не в моём вкусе Аня, если уж на то пошло, слишком пышная. Это в период полового созревания идеалом красоты Саманта Фокс представлялась, а сейчас куда больше телосложение той же Алёны привлекает. Или даже Зинки – ей занятия в школьной секции лёгкой атлетике только в плюс пошли, а уж теперь, когда грудь выросла…

– Мы купаться! – объявила Анна и, покачивая широкими бёдрами, направилась к озеру.

Андрей поспешил следом, тогда Зинка тоже поднялась с покрывала и взглянула вопросительно.

– Сергей?

– Пошли.

Анна с Андреем добрели по мелководью до бетонной плиты затопленного парапета, нырнули с неё и поплыли, мы же перешли на противоположную сторону пляжа с песчаным дном и заходили в озеро куда медленней и неспешней. На контрасте с послеполуденной жарой вода показалась какой-то совсем уж прохладной, и когда она подобралась к паху, я даже остановился, собираясь с решительностью.

– Самое дорогое застудить боишься? – рассмеялась Зинка, подалась вперёд и поплыла. – Брось! Тепло же!

– Тепло, как же! – только и проворчал я, не спеша повторять её манёвр.

Рубец на голове ещё толком не зажил, поэтому нырять не стал, ограничился парой решительных шагов на глубину, а после присел, окунаясь по шею. И сразу выпрямился.

Уф! Холодно!

Зинка сделала небольшой круг, подплыла обратно и встала рядом.

– Что-то «Эфир-два» смотреть не приходишь, – сказал тогда я. – А, помнится, обещалась.

– Ой, да ты что! – горестно вздохнула девчонка. – Слышал же о Лидке Светловой, да? Кошмар просто! Родители перепугались, теперь надо быть дома в десять вечера и ни минутой позже.

– Ты и будешь дома. Только этажом выше.

– Тебе легко говорить, а мне мама целый скандал на этот счёт закатила! Серёжа, говорит, мальчик хороший, но ещё не хватало, чтобы ты в пятнадцать лет в подоле принесла!

– В пятнадцать не успеешь уже, – усмехнулся я. – Ты ж сентябрьская, тебе до шестнадцати всего ничего осталось.

– Ты помнишь о моём дне рождения! – обрадовалась Зинка. – Как это мило!

– Помню, конечно, – улыбнулся я. – Если что – заходи сегодня часиков в шесть. Мы кабельное подключили и цветной телевизор купили. Маму успокой: дядя Петя дома будет, а мне как раз к десяти на работу.

Зинка фыркнула, потом кивнула.

– Приду, – пообещала она, оттолкнулась от дна и поплыла к берегу. – Догоняй!

Я побрёл следом.

К нашему возвращению одним покрывалом стало меньше, Зоя и Денис успели собраться и уйти.

– Чего это они? – потребовала Зинка объяснений у кудрявой подружки, и та захихикала.

– Кто-то слишком откровенно пялился на чужой зад, – пояснила она и строго посмотрела на собственного ухажёра. – И не один Денис, между прочим!

Но длинноволосый неформал лишь беспечно отмахнулся.

– Ой, да ладно тебе, Ксю! Сама тоже с чьей-то мускулистой спины глаз не спускала!

Кудрявая девчонка состроила мечтательное выражение и театрально вздохнула.

– Там и пониже спины всё мускулистое!

Зинка возмущённо фыркнула.

– Ксюша, ну как так можно?!

– Так и нельзя, – спокойно ответила кудрявая егоза и потрепала своего парня по щеке. – Мне только Серёжу можно.

Вернулись Андрей с Аней, разлеглись на покрывале по соседству. Сергей-неформал взял Ксюшу за руки, и они уставились друг на друга, при этом игра в гляделки сопровождалась дикими гримасами и сдавленным смехом. Зинка только глаза закатила.

– Детский сад!

Фролов достал из сумки пластиковую бутылку с «пепси», отпил сам и предложил мне. Я потянулся было, но сразу уточнил:

– С ромом?

Андрей кивнул, и я покачал головой.

– Не, сейчас обсохну и пойду готовиться. – Перехватил удивлённый взгляд соседки и пояснил: – Завтра вступительные экзамены начинаются.

– Здорово! – обрадовалась за меня Зинка. – Куда поступаешь?

– В политех на архитектурно-строительный. У них там экономика строительства есть, если получится, туда пойду.

Девчонка скрестила ноги и спросила:

– Но вечером ты меня ждёшь?

– Приходи обязательно!

Мы ещё немного поболтали обо всякой ерунде, а потом я оделся и потопал домой. По пути передумал и свернул к кафетерию, благо у его крыльца уже не стояло серой «девяносто девятой».

Внутри играла музыка, и Алёна негромко подпевала исполнительнице:

– А ты не лётчик…[3 - «Лётчик», Анка.]

Заводной припев понравился, куплеты же своими плевками в сторону Лубянки откровенно разочаровали. Сейчас все смелые стали, дохлого льва только ленивый не пнул, а вот раньше кишка тонка была, только рокеры чего-то там изображать из себя пытались, да и то не все.

– Привет, Сергей! – улыбнулась мне продавщица. – Давно не появлялся.

Я мог бы выдать что-то о разбитом сердце, тем более что Алёна и вправду была премиленькой, но, памятуя о её просьбе, от комплиментов воздержался и указал на прочертивший висок шрам.

– Сотряс заработал, две недели пить нельзя было.

Алёна озадаченно склонила голову набок, и серебристо-белая прядь упала ей на лицо, закрыв левый глаз. Стояла-то блондинка за витриной с кондитерскими изделиями, за отделом с бутербродами и водкой на розлив присматривала её напарница – полная тётка средних лет.

– Будь добра, взвесь полкило рулета с белковым кремом, – попросил я.

– Решил переключиться на сладкое? – улыбнулась Алёна с некоторым даже, как мне показалось, облегчением.

– Гости придут.

Рулет потянул на пятьдесят три пятьдесят; я дошёл до отдела с алкоголем и протянул продавщице мятую сотню, а на сдачу получил четыре странного вида десятирублёвых монеты с серебристым ободом и жёлтым кругляшом в центре. Их реверсы, как и оборотные стороны выданных сверху пятирублёвки, рубля и миниатюрных пятидесяти копеек украшал не герб, а изображение кремлёвской башни и купола какого-то дворца. При этом упоминался государственный банк СССР, да и год выпуска значился тысяча девятьсот девяносто первый. Надо же, не видел таких раньше. Вообще всё в армии пропустил.

Озадаченно бренча монетами в кулаке, я вернулся к Алёне с чеком, и блондинка наколола его на спицу, даже не взглянув на пробитую сумму.

– Держи! – отдала она мне завернутый в обёрточную бумагу и перетянутый шпагатом рулет.

– Слушай, ты же Рому знаешь? – спросил я, не спеша отходить от витрины. – Наш друг с Андреем, высокий такой, чисто хлопец деревенский, кровь с молоком.

– Знаю, конечно, – фыркнула Алёна. – Каждый день сюда как на работу ходит.

– А вчера вечером в твою смену заходил? Почему спрашиваю – не помнишь, сколько он выпил?

– Взял сто пятьдесят водки и стакан томатного сока, – указала продавщица на перевёрнутый стеклянный конус с краником, заполненный ярко-красной жидкостью. – А что?

– Да как-то сильно его развезло. Если только ещё где добавил…

– Он самую дешёвую водку брал, «Традиционную». Это новая какая-то, с неё многие резко пьянеют.

– Буду иметь в виду, – кивнул я и двинулся на выход. – Счастливо!

– Пока!

Я толкнул стеклянную дверь и вышел из кафетерия, пытаясь решить для себя, испытываю что-то по отношению к Алёне или нет. Её связь с бизнесменом меня определённо коробила, но дело было не в ревности и даже не в каком-то там собственническом инстинкте. Просто рассчитывал при случае с ней переспать, а теперь уже точно не выйдет.

Вот только, чем страдать всякой ерундой, лучше бы смотрел по сторонам, а так встрепенулся, лишь когда послышалось:

– Гля, Енот!

Вскинулся, а навстречу топают Кислый-младший, Пантелей и парень постарше, который вчера улетел в кусты от пинка Андрея. Вот так встреча, блин на фиг…

Вообще при столь паршивом раскладе не зазорно развернуться и задать стрекача, но побежишь – так и будут потом гонять. И я убегать не стал, вместо этого переложил свёрток с рулетом в левую руку и вытащил из кармана пускач. Большой палец упёрся в шпенёк, и злорадные улыбки пацанов сразу увяли. Очень уж непредсказуемая штука – сигнальная ракета, может срикошетить, а может и в одежде запутаться, тогда до костей мясо точно прожжёт.

– Енот, ты дурак, что ли? – вроде как пристыдил меня Кислый и сплюнул под ноги длинную струйку слюны.

– Контуженный, – кивнул я, не спеша, впрочем, прицеливаться. – Со справкой.

Пацаны переглянулись. Подставляться под выстрел из пускового устройства им определённо не хотелось, но и просто пройти мимо они тоже не могли. Опять же оставались шансы, что выстрела не последует; не так уж просто перейти подобную черту…

Дабы развеять все сомнения на собственный счёт, я растянул уголки губ в механической улыбке, которая больше походила на оскал, и спросил:

– Хотели чего?

– Вы с Кролом совсем берега потеряли! – объявил незнакомый парень, который точно был из кодлы Кислого-старшего. – За беспредел ответите! Завтра в восемь будем ждать на футбольном поле десятой шараги. Не придёте на стрелу, станем по всему району щемить, так Кролу и передай.

– Передаста нашёл? – не сдержался я.

– Не хочешь, не передавай. Твоё дело. Пошли, пацаны.

И они ушли. Я тоже у кафетерия оставаться не стал и потащился обратно на пляж. Там отозвал Андрея в сторону и рассказал о случившемся, но Фролова вызов на стрелку нисколько не встревожил, он будто заранее чего-то подобного и ожидал.

– Серый, ты не парься, – попытался успокоить меня приятель. – Я на этот счёт с Графом перетру. Ну и ты поговори с кем сможешь. Пусть подваливают к семи к моему подъезду. А сам подходи в четыре в гаражи – ещё успеем мебель пособирать.

Ну да – война войной, а обед по расписанию.

Я попрощался с Андреем и отправился домой. Во дворе играли в настольный теннис знакомые пацаны, заручился их обещанием поддержать нас на завтрашней стрелке с братвой Кислого и поднялся к себе. Там убрал рулет в холодильник и заварил чай. Потом уселся грызть гранит науки. Но больше, конечно, ждал соседку…

03|07|1992

вечер

В дверь позвонили без десяти шесть. Я открыл и посторонился, запуская внутрь Зинку.

– Привет, Сергей!

Девчонка шагнула через порог с несколько даже виноватой улыбкой, а следом зашла её младшая сестра Нина и вприпрыжку заскочил Яша – круглощёкий малец двенадцати лет от роду. Был Зинкин брат точной копией папеньки, только без залысин, да и сам дядя Боря тоже повода зайти в гости не упустил. Вошёл последним, поздоровался, протянул запотевшую поллитровку «Русской» и четверть батона варёной колбасы на закуску.

– Такую покупку грех не обмыть! – заявил он.

– Особенно вечером в пятницу! – поддакнул дядя Петя и махнул рукой, зазывая соседа на кухню.

– Да погодите вы! Сначала чай!

Я выложил на стол рулет, и пухленькая Нина тут же заняла одну из табуреток. А вот Яша побежал смотреть телевизор.

– Ух ты! – присвистнул он. – А пульт есть?

– Пульта нет, – разочаровал я мальчишку, и тот без спросу включил питание.

Загорелся красный огонёк кнопки, отмеченной цифрой «один», экран начал медленно светлеть, заработал динамик.

Инвайт! Просто добавь воды!

Реклама мальчишку не заинтересовала.

– А где кабельное? – спросил он и переключил телевизор на вторую программу.

На экране замелькали белые линии, повторяя и усиливая контуры обычного изображения, зазвучала музыка.

С причала…[4 - «Прогулки по воде», группа «Наутилус Помпилиус».]

Яша вновь переключил канал, но не тут-то было.

– Верни! – потребовала Зинка, а затем подтолкнула брата к выходу. – Иди, рулет жуй. А то Нинка всё сожрёт. – И уже мне пояснила: – Это «Наутилус», крутая группа.

– Понял, – кивнул я.

– У меня весь альбом есть. Могу дать послушать.

– Не откажусь, – сказал я, дождался окончания песни и спросил: – А ты чего не идёшь чай пить? Пошли!

Рулет смолотили буквально в пять минут, потом я переключил телевизор на кабельный канал, а сам вернулся на кухню, где Борис Ефимович и дядя Петя уже откупорили бутылку и нарезали колбасу.

Нет, водки нисколько не хотелось, но вот колбаса показалась куда интересней мультфильма о койоте и странного вида нелетающей птице. Но только ухватил с блюдца кусок докторской, и Борис Ефимович возмущённо хлопнул ладонью по столу.

– Ты есть сюда пришёл? Где рюмка?

– Ему в ночь сегодня, – заступился за меня дядька. – Мало ли там как, лучше без запаха обойтись.

– Вроде не было проблем? – насторожился я.

Дядя Петя пожал плечами.

– Раз в год и вилы стреляют.

Борис Ефимович опрокинул в себя рюмку, закусил и начал:

– Анекдот новый рассказали. Встречаются как-то Горбачёв, Ельцин и Гайдар…

– Это не анекдот, а моя мечта! – оборвал соседа дядька. – Встречаются как-то Горбачёв, Ельцин и Гайдар… в аду!

– Тьфу на тебя! Ладно, Горбачёв глава преступной коммунистической клики…

У дяди Пети заклокотало в горле от возмущения, но Борис Ефимович не обратил на это внимания и спокойно продолжил:

– …а Гайдар в «Коммунисте» и «Правде» партии усердно подмахивал, но Ельцин-то совсем другое дело! Пусть он из бывших, но выбран всенародно! Он легитимен!

– В гробу я эту легитимность видел! – взорвался дядька. – Людям жрать нечего, с голоду мрут, будто в блокадном Ленинграде! Ты посмотри, как цены растут! Каждый божий день! – Он разлил водку по рюмкам и шумно засопел. – Знаешь, две недели назад наша зарплата куда привлекательней казалась!

– Ну извини! – развёл руками Борис. – До осени повышения не жди. У нас, вон, уже треть научных сотрудников разбежалась из института. Кто в коммерцию подался, в челноки или на рынок, кто и вовсе в никуда.

– Позор!

– Да не, баба с возу – кобыле легче, – отмахнулся сосед. – Нет у нас будущего. Государству разработки не нужны, а на хозрасчёте не выжить. Вот и получается – чем больше народу уволится сейчас, тем меньше в приватизации участвовать станет. По малой приватизации акции среди трудового коллектива распределяться будут, так что оставшимся одна выгода выходит.

– Срамота! – возмутился дядя Петя. – Но ничего! Надо будет, я до директора дойду!

– Радуйся тому, что есть, – проворчал Борис Ефимович. – Нам уже предлагали хозблок под охрану передать. Сигнализация, все дела. Хорошо хоть денег не нашлось, а то пришлось бы вас сокращать. А начнёшь права качать, и сократят!

Я дальше слушать не стал, ухватил ещё один кусок колбасы и отправился смотреть «Троицу» – итальянский комедийный вестерн. После него начали показывать «Кобру» со Сталлоне, на которую ходил в видеосалон, тогда ушёл в свою комнату и взялся за учебник алгебры.

Пару минут спустя пришла Зинка, села рядом и сказала:

– Серёж, правда, одна не смогла прийти…

От тяжкого вздоха я удержался с превеликим трудом, но удержался и своего разочарования никак не выказал. И даже руки распускать не стал, хоть так и подмывало приобнять девчонку или положить ладонь на её бедро. Да пусть бы и просто на коленку! Будто бы между делом, словно бы невзначай.

Но какое там – невзначай, когда у Зинки шебутные брат с сестрой в соседней комнате и папенька на кухне! Атмосфера определённо не та.

Впрочем… оно и к лучшему. Одними объятиями дело могло не ограничиться, наворотил бы дел. А так холодный душ приму перед выходом на работу, и все дурные мысли как рукой снимет.

– Да всё нормально, – улыбнулся я пришедшей на ум двусмысленности и показал Зинке учебник. – Мне в любом случае готовиться надо. Голова как барабан пустая.

– Ой, а давай я помогу! Я в нашей комсомольской дружине за работу с отстающими отвечаю. Отвечала, то есть…

Я отказываться не стал.

В девять часов позвонила тётя Софья, и Борис Ефимович увёл своё семейство домой. Я пошарил по сусекам, нашёл четвертушку ржаного хлеба, пожарил с последним яйцом и решил, что с таким рационом недолго и ноги протянуть. Ещё и сладкого, как на грех, захотелось, а рулет до последней крошечки смели. Да его и было там…

Наскоро перекусив, я особой сытости не ощутил и дал себе зарок поговорить с Андреем и узнать, когда с нами рассчитаются за собранную мебель. Пусть и наработал с гулькин нос, но даже небольшие деньги лишними не будут, а то шиканул с телевизором, всё подчистую спустил.

– Ты готов? – спросил дядя Петя, надевая пиджак.

Выходить из дома в трико и майке-алкоголичке он полагал ниже собственного достоинства, каждый раз менял их на отглаженные брюки и сорочку. Вот и сейчас оценивающе глянул на своё отражение в зеркале, нацепил на голову кепку и сунул в рот папиросу.

– В подъезде хоть не дыми, – попросил я, обуваясь.

– И в мыслях не было! – возмутился дядька и потряс зажатым в кулаке коробком спичек. – Никогда за мной такого не водилось!

Полбутылки водки сделали его излишне говорливым, так что всю дорогу я выслушивал сентенции об упадке нравов нынешней молодёжи, демократах – предателях интересов народа и неизбежном социальном взрыве. Ладно хоть ещё новое здание НИИ располагалось не на самой окраине, добираться до него оказалось не так уж долго.

Четырёхэтажное строение выходило фасадом на дорогу, справа от него начинался бетонный забор с протянутыми по верху мотками колючей проволоки, слева тоже тянулся забор, только временный, деревянный; это была территория так обеспокоившей Бориса Ефимовича стройки. Стройка была и с обратной стороны. Напротив – жилая застройка.

Вообще, увиденное меня скорее порадовало, нежели огорчило. Все окна первого этажа оказались забраны железными решётками; не тюремными с прутьями крест-накрест, а с весёленькими, у которых те расходились во все стороны от четверти железного круга в левом-нижнем углу. Узкий внутренний двор между основным корпусом и хозяйственным блоком упирался дальним краем в капитальный пристрой, а со стороны въезда его ограждали высоченные ворота с калиткой, через которую мы внутрь комплекса и попали. Увы, со двора решётки на окна не установили.

– Мы в хозблоке базируемся, – указал дядя Петя на гаражный бокс и склады с дебаркадером для погрузочно-разгрузочных работ.

Он первым поднялся на него и отпер дверь, проход за которой упёрся в коридор, длинный и тёмный. Дядька свернул налево и сразу зашёл в комнатушку, щёлкнул выключателем и под потолком загорелась свисавшая на проводе лампочка мощностью ватт в сорок, не больше.

Продавленный диван, стол с электрическим чайником, хлебницей и будильником, пара табуретов, занавешенное окно. А ещё колоссальных размеров засыпной шкаф с местами облезшей синей краской, из-под которой проглядывала краска зелёная.

– Как-то так, – повёл рукой дядя Петя, затем отдёрнул штору и указал во двор. – Смотри, с улицы на первом этаже решётки, до второго так просто не достать. Если полезут, то через забор. Там бы колючку поверху пустить, но денег на это нет, а бесхозная пока не попадалась.

– То есть надо просто сидеть здесь и следить за двором? – уточнил я.

– Заводи будильник, раз в час – два осматривай выходящие на эту сторону окна, – посоветовал дядька. – Полезут, нашумят, но лучше не филонь. А сейчас на обход пошли. И утром тоже весь корпус обойди.

Дядя Петя подошёл к сейфу, выбрал на связке длинный ключ со сложной бородкой и протянул мне.

– Открывай.

Я сразу заподозрил подвох и всё же послушно выполнил просьбу. Затем дёрнул за ручку, но дверца даже не шелохнулась. Приналёг, потянул вверх – с тем же результатом.

Дядька с довольным видом хмыкнул и оттеснил меня в сторону.

– Запоминай!

Он слегка навалился на ручку, ткнулся плечом в угол сейфа и рывком приоткрыл дверцу. Потом захлопнул её и вновь отступил.

– Попробуй.

На второй раз я справился с заданием без всякого труда, заглянул внутрь и обнаружил на железных полках помимо стопки журналов учёта и коробки с ключами ещё и электрический фонарик. Рядом лежали два коротких деревянных жезла в половину локтя длиной. Дядя Петя взял один, махнул и тот разложился, удлинился раза в три или четыре, задрожал резиновым шариком на конце; внутри навершия прощупывалось металлическое утолщение.

– Никифоров, участковый наш, по старой дружбе подогнал, – пояснил дядька, складывая телескопическую дубинку. – То ли с каких-то складов привезли, то ли изъял, дело мутное. По улице только с ней не шастай, мало ли. И вот ещё, держи…

Я принял солидный медный свисток и хохотнул.

– Ты не ржи! Засвистишь, люди бывалые связываться не станут, ноги сделают.

Мы вышли из комнатушки, я включил фонарь и его яркий луч пробежался по длинному коридору, высветил пустые дверные проёмы с левой стороны. С правой стороны обнаружились створки раздвижных ворот высотой под потолок; как видно, при необходимости можно было занести крупногабаритный груз прямо через склад.

– Там мастерские, – пояснил дядя Петя, – но оборудования нет, одни голые стены.

Мы дошли до поворота, миновали боковой пристрой и отперли дверь в основной корпус. Прошлись по этажам, никаких признаков вторжения посторонних не обнаружили и вернулись обратно.

– Выпускай меня! – потребовал дядя Петя, глянув на часы. – Бежать пора.

– Дама сердца заждалась? – усмехнулся я.

– Тьфу на тебя! – ожидаемо прозвучало в ответ.

Я запер за дядькой калитку у ворот, а потом и вход в хозблок, ушёл в комнатушку и завёл будильник на полночь. Немного побаловался с телескопической дубинкой и пришёл к выводу, что эта вещица мне в хозяйстве просто-таки необходима. Компактная – из глубокого кармана спортивных штанов почти не торчит, да и олимпийка прикроет, – а человека при некоторой сноровке можно очень неслабо приложить. И главное – совершенно неожиданно. Раскладывался механизм предельно легко, одним замахом и в рабочее положение привести можно, и ударить. Как говаривал известный киногерой: «ляпота!». Вот уж действительно по-другому и не скажешь.

Я подумал-подумал и запирать дубинку в сейф не стал, положил её на железный ящик сверху, закатил к стене. Так и со стороны не видно, и достать можно в два счёта. Ну а потом я выпил чая и улёгся спать, не забыв перед тем задвинуть на двери засов. Просто так, на всякий случай. Случаи, они всякие бывают, мне ли не знать…

04|07|1992

утро-день

Под утро приснилась голая Зинка, в остальном ночь на вверенном объекте прошла без происшествий, так об этом по возвращении домой и отчитался. Отчитался, разумеется, только о работе, о сновидении умолчал; к рабочим моментам то никоим образом не относилось.

– Всё там запер? – спросил дядя Петя, забирая ключи.

– Всё, – кивнул я и побежал в душ, потом одеваться.

Рубашка и брюки не особо сочетались с кроссовками, но заморачиваться на этот счёт не стал. Если уж на то пошло, с моим свежим шрамом на башке только спортивный костюм нормально и смотрелся.

Плевать! Встречают по одёжке, провожают по уму. О внешности в поговорке ничего не говорится, а народная мудрость врать не станет. Как там – с лица воду не пить? То-то и оно, главное на экзамене не провалиться.

Ехать было минут сорок, но транспорт зачастую ходил просто непредсказуемо, поэтому вышел из дома с немалым запасом. В результате почти сразу подошёл нужный троллейбус, и на место я прибыл сильно загодя. Но зато походил, посмотрел абитуриентов. В основном те выглядели недавними выпускниками школ, хотя попадались и мои ровесники – то ли после срочной службы, то ли после рабфака. Юношей оказалось заметно больше девушек, но это и понятно: не в педагогический поступаю, и не на филологический.

Накатила нервозность, будто кроме как об оценке волноваться было больше не о чем, и непроизвольно я начал мысленно проговаривать припев недавно услышанной песенки:

– Капитан Каталкин…[5 - «Капитан Каталкин», Александр Буйнов.]

Валет, пистолет, жилет, прочий бред…

Но успокоился понемногу и даже что-то там нарешал. Задерживаться в институте не стал и сразу поехал домой, а уже у подъезда наткнулся на Зинку с её кудрявой подружкой.

– О, Серёжа! – обрадовалась соседка. – Как экзамен сдал?

– В понедельник узнаю, – ответил я, оглядел девчонок и спросил: – Вы куда такие нарядные собрались?

Не сказать, что те оделись как-то слишком уж празднично, но макияжем не пренебрегла ни одна, ни другая, да и бижутерии навесили на себя обе в изрядных количествах.

– В парк на Комсомольской едем, – ответила Зинка. – Давай с нами?

– Я вам зачем?

– Будешь нашим спонсором! – не полезла за словом в карман кудрявая Ксения.

– Да ладно тебе! – ткнула её локтем в бок моя соседка. – Карманные деньги тратить будем, а ты за компанию. Ксюшу её воздыхатель встретит, не ходить же мне без кавалера?

– Воздыхатель – это длинноволосый который? – припомнил я.

– Он, – подтвердила кудрявая девчонка. – Так ты едешь?

Зинкино запястье охватывал тоненький кожаный ремешок наручных часов, и я спросил:

– Сколько сейчас?

– Двенадцать, – ответила девчонка, мельком глянув на циферблат.

Я решил, что до четырёх в любом случае вернусь, и кивнул.

– Ладно, поехали. А то ещё украдут вас, таких красивых…

Девчонки дружно фыркнули, но язвить не стали, а Зинка так и вовсе взяла меня под руку; дошли до остановки, будто парочка. Впрочем, в троллейбусе подружки сразу уселись на переднее сиденье, переложив формальности по оплате проезда на «спонсора» в моём лице. Никаких сложностей с этим не возникло: не желая бегать от контролёров по дороге на экзамен, я приобрёл в билетном киоске сразу десять талонов, так что сейчас просто оторвал от ленты три штуки, сунул их в компостер и без всякого сожаления пробил. Не обеднею.

Серёжа-неформал в кедах, потёртых джинсах и линялой футболке с вычурной надписью «Metallica» ждал нас на остановке. Ксюша разрешила парню поцеловать себя в щёчку, а потом мы перешли через проспект и двинулись мимо водружённого на постамент танка к воротам в невысокой ограде парка. По случаю субботнего дня людей там хватало с избытком; родители выгуливали детей, те бегали и кричали, гоняли на прокатных самокатах и важно разъезжали на педальных машинах. Почти ко всем аттракционам стояли очереди, у билетной будки и вовсе царило настоящее столпотворение. Динамики, создавая

праздничную атмосферу, наигрывали что-то весёлое.

Тома, Тома!..[6 - «Тома», кабаре-дуэт «Академия».]

Серёжу ни отечественная эстрада, ни аттракционы с облезшей краской нисколько не воодушевили, и он без всякой надежды предложил:

– Может, в Гагарина или Пушкина махнём? Там «Луна-Парк» должен быть.

Девчонки даже ничего слушать не стали и хором объявили:

– Мы хотим мороженного!

Я полез за деньгами, но Серёжа вызвался сходить сам. А только он отправился на поиски киоска, Зинкой и Ксюшей заинтересовалась парочка хулиганистого вида балбесов старшего школьного возраста. Рубашка и брюки ввели их в заблуждение на мой счёт, пришлось повернуться покарябанной стороной башки и улыбнуться. Протянувшийся над виском свежий рубец обаяния отнюдь не добавлял, пацаны отошли, даже не спросив телефончики. Не мои, разумеется, – девчонок.

– А давайте на «Ромашке» прокатимся? – предложила вдруг Зинка.

Я посмотрел на высоченную карусель, которая раскручивала подвешенные на длинных цепях сиденья до какой-то совсем жутковатой скорости, и решил, что мне такого счастья точно не надо.

– Да ну его, – поёжился я, но подружки загорелись этой идеей всерьёз, пришлось идти к будке с кассой и становиться в очередь. Билетов в итоге купил только два, оба отдал Зинке с Ксюшей.

– А сам чего? – удивились те.

– Голова закружится. Я высоты боюсь.

– Да что ты сочиняешь?! – не поверила Зинка. – Никакой высоты ты не боишься!

Я вздохнул и покладисто согласился:

– Ладно, не боюсь. Просто хочу на тебя с земли посмотреть.

Девчонка сверкнула серыми глазами.

– Можно подумать, тебе так кто-то смотреть запрещает! – заявила она, выставила вперёд бедро и взялась за юбку, слегка приподняв её край от колена. – Смотри на здоровье!

– Зин, да кого ты слушаешь? – рассмеялась Ксения. – Он тебя ещё на пляже во всех подробностях разглядел!

Тут моя соседка даже чуток покраснела.

– Ну прям во всех! – фыркнула она, не без смущения оправляя юбку. – Скажешь тоже! Я в купальнике вообще-то была!

– А он его с тебя снял, – не полезла за словом в карман кудрявая егоза. – Прямо при всех глазами раздел! С особым цинизмом!

– Ой, а тебе завидно стало, Ксюша – юбочка из плюша!

– Да чему там завидовать-то, Зинка – от трусов резинка? Меня есть кому и не глазами раздевать! Может, уже и раздевали даже! Вот! Сама теперь завидуй!

– Брейк! – встрял я в словесную пикировку подружек, поскольку кудрявая заноза была не так уж и далека от истины, и указал на карусель, которая понемногу замедляла вращение. – Идёмте, вон уже очередь собирается.

И мы поспешили к аттракциону.

Погуляли в итоге очень даже неплохо. Постреляли в тире из пневматической винтовки, купили в кафе пирожных и газировки, договорились в следующий раз съездить в парк Гагарина и, сочтя культурную программу выполненной,

отправились домой.

– Серёжа, ты нас ждёшь сегодня кабельное смотреть? – спросила Зинка, уже привычно взяв меня под руку, когда мы шли от остановки.

Это «нас» не слишком-то воодушевило, но покачал я головой совсем по другой причине.

– Подработка сегодня, не знаю даже, когда домой приду, – пояснил я свой отказ. – Давай завтра. С утра не уверен, а днём точно дома должен быть.

Соседка бросила хмуриться и предложила:

– Ты зайди, как возвращаться будешь. Или звони, если никуда не пойдёшь.

– Договорились.

А вот кудрявая Ксюша не прокомментировать услышанное не смогла.

– Подработка субботним вечером? Ка-а-к интересно! Это чем вы таким занимаетесь?

Я пожал плечами и ответил чистую правду:

– Пиво пьём, мебель собираем.

О назначенной на восемь стрелке с бригадой Кислого упоминать, разумеется, не стал. И думать-то о ней не хотелось. Вроде, и не такое повидать довелось, но, чем меньше оставалось времени, тем сильнее сосало внизу живота. Паскудно так сосало, нехорошо. И причиной тому был вовсе не страх, а здоровый инстинкт самосохранения. И главное – на ровном месте ведь занозились…

Дома я переоделся и сразу двинулся в гаражи, не забыв прихватить с собой и пусковое устройство. Пришёл, как выяснилось, последним. Тиша и Лёня играли на приставке, Андрей и Рома обмеряли «рулеткой» шкаф и прикидывали войдёт он в УАЗ или придётся разбирать и собирать заново на месте. «Буханка» оказалась защитного зелёного цвета и уже не новой, явно списанной и

купленной предприимчивым евреем за бесценок.

Впрочем, мне-то что с того? Я подошёл и спросил:

– Ну как?

Фролов понял меня с полуслова и успокоил:

– Порядок! Граф с нами пойдёт, разрулит.

Я с облегчением перевёл дух.

– Ну и отлично!

– Ну так! – подбоченился Андрей, но тут же поскучнел. – Пацанам в любом случае проставиться придётся. У кого что по деньгам?

Наличных набралось не так уж и много, и Фролов потопал договариваться насчёт аванса, а мы с Ромой таки загрузили в автомобиль кухонный шкаф и пошли собирать следующий. Надо сказать, с диванами возни было куда меньше…

Вернулся Андрей в ещё даже более удручённом состоянии, нежели уходил за деньгами, приволок пригоршню биметаллических десятирублёвок, какими я получил сдачу за рулет, высыпал их на стол, кинул сверху несколько сложенных вчетверо сторублёвок.

– До конца месяца лапу придётся сосать, – горестно вздохнул он. – Может, в двадцатых числах ещё что-то обломится, но это не точно.

– Ну а куда деваться? – пожал мощными плечами Романов. – Пацаны не поймут, если не проставимся.

– Да ясен палец! – отмахнулся Андрей. – Просто ещё с отпуском на заводе попадалово полное. Лёня! Слушай, может, получится ещё накинуть?

Но Гуревич-младший покачал головой.

– На сахар оптовые цены упали, папа сейчас все свободные деньги в него вкладывает, ещё и занимает прилично. А фасовку организовать негде, когда расторгуемся – непонятно. Сам без денег неделю сижу, девчонку в кафе сводить не на что.

– Вообще никак?

– Не, Дюша, голяк полный.

Представление о пустых карманах у Лёни всерьёз расходилось с нашим, и Фролов знал об этом не хуже моего, но только рукой махнул.

– Фигня война – прорвёмся.

Тиша по своему обыкновению вздумал поделиться с нами очередной идеей быстрого обогащения, но его мигом заткнули. Несмотря на заступничество Графа, грядущая стрелка ни у кого энтузиазма не вызывала. Даже у заварившего всю эту кашу Андрея.

– Блин, думал не деньгами, а ромом взять, – вздохнул он, пересчитав полученный аванс. – А теперь отрабатывать придётся. Анька ворчать будет…

– Недёшево она тебе обходится, – заметил Рома, прикручивая к шкафу дверцу.

Фролов только фыркнул.

– Да какие там у неё запросы? Ром с «пепси» любит, но я и сам его уважаю. Ещё вкусного чего-нибудь беру, что в кафетерий не завозят, ягоды-фрукты там, туда-сюда…

– Туда-сюда – это хорошо, – ухмыльнулся я.

– Да ну тебя, Серый! – фыркнул Андрей. – Нормальные у неё запросы, это просто у меня денег хрен да маленько. Тут ещё пацанам на пиво…

Тихон Морозов не утерпел и вклинился в разговор:

– Вот бы в торговлю ножками Буша влезть!

– Сразу в крематорий лезь, – бросил ему Лёня. – Там своя мафия. А часть товара вообще гуманитарка, которую втихаря продают.

Толстый разочарованно понурился.

– Да я так…

– Всё украдено до нас! – вроде как утешил его Андрей Фролов и позвал меня: – Серый, пошли ещё один диван соберём, пока время есть.

Время и в самом деле пока ещё было…

04|07|1992

вечер

Со сборкой мебели провозились до семи вечера. Наверное, и дальше занимались бы чем-нибудь полезным, но Рома достал пачку «Бонда», сунул в рот сигарету и объявил:

– Народ, хорош вату катать! Идти пора!

Ну мы и двинули. Во дворе уже ждали пацаны. Собралось человек двадцать, кто-то подошёл пустой, кто-то приволок замотанные в газеты обрезки арматуры – сейчас те белели в траве газонов. Самым предусмотрительным оказался Саня-Татарин: он принёс футбольный мяч, и когда мимо медленно-медленно прополз патрульный уазик, милиционеры цепляться не стали. Вроде как на футбол пацаны собрались, что тут такого?

А потом появился Граф, и у меня от нехорошего предчувствия кольнуло под сердцем. Он вышел из подъезда в сопровождении Кабана – товарища крепкого и массивного, но один человек в делах подобных нынешнему погоды не делает. Да и дальше всё пошло как-то неправильно.

– Так, братва! Сарафан собирать не будем, – объявил Граф. – Просто поговорим, спокойно ситуацию разрулим.

Прозвучали эти слова разумно, и меня в какой-то степени успокоили. Ему видней, в конце концов. Да и Андрей против такого предложения возражать не стал.

– Пацаны, с нас пиво! – сразу предупредил он собравшихся. – Вы пока в футбол погоняйте, мы сюда вернёмся.

Граф посмотрел на часы с массивным стальным браслетом и поторопил нас:

– Двинули!

Пошли по краю посёлка, и неожиданно для себя я отметил, что у многих участков земля между забором и дорогой теперь засажена картошкой. Возник вопрос, сколько из неё выкопают хозяева, а сколько под покровом ночи разворуют всякие асоциальные элементы, но сразу выкинул его из головы. Не моя печаль.

Территория шараги была обнесена высокой оградой, но во многих местах железные прутья были отогнуты в разные стороны, через одну из таких дыр мы внутрь и забрались. Миновали выкопанные для занятий начальной военной подготовкой окопы, обогнули здание и сразу увидели дожидавшуюся нас компанию. Я узнал братьев Кислых, старшего и младшего, Пантелея и крепыша, который забил стрелку, а ещё рядом с ними стоял невысокий мужичок лет пятидесяти на вид, широкоплечий и лысоватый. Чем-то он неуловимо напоминал школьного учителя физкультуры, но едва ли на стрелку привели бы простого физрука.

Что-то сейчас будет…

Метров за десять Граф остановил нас, а сам двинулся дальше, взяв с собой только Андрея. Навстречу им выдвинулись братья и непонятный мужичок. К слову, Кислый-старший на опустившегося наркомана нисколько не походил. Держался он уверенно и солидно, даже привычной расхлябанности в движениях заметить не удалось. Да и Граф не счёл зазорным первым протянуть ему руку, что говорило о многом.

– А что за лысый хрен с горы? – негромко спросил Рома.

Оставшийся с нами Кабан только передёрнул мощными плечами и ничего отвечать не стал. То ли и сам не знал, то ли не посчитал нужным.

«Лысый хрен», как обозвал его мой приятель, встал наособицу и, такое впечатление, взял на себя функции арбитра. Всё общение шло через него, он что-то выспрашивал, что-то втолковывал, и никто по этому поводу не протестовал. Вместе с тем разговор точно был не из простых: под конец Андрей вышел из себя, Граф его даже придержал.

– Не нравится мне это, – проворчал Рома и хрустнул костяшками пальцев.

Я был с приятелем целиком и полностью согласен, и только Кабан остался совершенно невозмутим.

– Не ссыте, пацаны. Всё путём будет.

Хотелось в это верить, но, когда Андрей обернулся и махнул рукой, разом взмокла спина.

– Серый, давай сюда!

Я матернулся сквозь зубы, подошёл и встал рядом с Фроловым. Вопросов задавать не стал, спросили меня самого.

– Пантелея вы вдвоём замесили, так? – скривил в ухмылке тонкие бледные губы Кислый-старший. Глаза у него были совершенно стеклянные, и подумалось, что если он и не сидит на чём-то тяжёлом, то уж на таблетках точно. Ещё и упакованный весь из себя, не в спортивном костюме на стрелку пришёл, а в

пиджачке, слаксах и лакированных туфлях.

Все выжидающе уставились на меня, но я подавил самый первый порыв и от невнятных оправданий удержался. По здравому размышлению не пошёл и в отказ, да и о вмешательстве Ромы по собственной инициативе промолчал, лишь пожал плечами и спокойно произнёс:

– Пантелей на Андрея прыгнул, мы за него вписались. О драке один на один разговора не было. Помахались и разошлись.

При всём нежелании оправдываться, никак иначе мои слова расценить было нельзя, и во рту появился противный привкус желчи. А потом пришла злость.

Какого хера?! Я в армии отслужил и пострелять успел, я ночью на болоте трупы в кучу мусора закапывал! Контрольный в затылок делал! А эти уроды кто такие? С какой стати перед ними отчитываться? Вертел я их на известном месте!

– А один на один – слабо? – тут же зацепился за мои слова Кислый.

– Смысла не вижу, – и не подумал я реагировать на детскую подначку.

– У Пантелея к тебе претензия. Имеет право.

Я не стал ввязываться в бессмысленный спор, сразу отрезал:

– Есть претензии, пусть сам их и предъявляет.

Лысый дядька одобрительно кивнул, а вот Кислому такой мой ответ не понравился, его аж перекосило. Но наезжать он не стал, позвал Пантелеева. Миша подошёл и ожидаемо заявил:

– Енот, вы меня по беспределу запинали. Надо разобраться один на один.

Выглядел Пантелеев непривычно скованным; я присмотрелся к нему и хмыкнул:

– Миша, оно тебе точно надо?

Тот хоть и занимался боксом, но удар держал не лучшим образом. Драться нам доводилось не раз и не два, и выхватывал в этих потасовках именно он. Но тут набычился и заявил:

– Давай! Один на один!

Махать кулаками не хотелось, но и отказаться никакой возможности не было. Я расстегнул олимпийку, стянул её и протянул Андрею. После отдал пусковое устройство и ключи.

Фролов придержал меня и тихонько сказал:

– Осторожней, Серый. Он, похоже, чем-то закинулся.

Я присмотрелся к Пантелею, который сосредоточенно крутил мощными плечами, разогреваясь, и кивнул.

– Похоже на то.

Слухи о том, что Кислый перед разборками кормит своих пацанов таблетками, ходили ещё до моего ухода в армию, но тогда я относился к ним с изрядной долей скептицизма и, похоже, зря. Какой-то совсем Миша деревянный, не бывает такого с травки.

– Разберитесь здесь и сейчас, – напутствовал нас дядечка, – чтобы впредь к этому не возвращаться.

Но заторможенным Пантелей лишь казался, он сразу двинулся вперёд и сходу попытался зацепить меня левой, не попал и добавил правой, следом пробил двоечку. Я уклонился, поставил блок и ответил прямым в голову. Удар пришёлся в скулу, но Миша его, такое впечатление, даже не заметил. А вот мне прилетело кулаком по рёбрам как-то совсем уж неприятно, аж перекосило всего.

Стало ясно, что простой обмен ударами будет не в мою пользу, и я отступил, а когда Пантелей при ударе по своему обыкновению слишком сильно провалился вперёд, то перехватил его мускулистое запястье и откинулся, утягивая противника за собой. Бросок через спину прошёл будто на тренировке, и Миша

тяжело грохнулся о землю. Мне тоже не удалось удержаться на ногах, только роли это уже не играло, я навалился сверху и провёл удушающий приём.

Пантелей попытался вывернуться и засучил ногами по траве, но куда там! И тут же Андрей вскрикнул:

– Серый!

Краем глаза я уловил резкое движение и начал поворачиваться, лишь поэтому носок кожаного штиблета не попал по виску, а просто чиркнул по лбу. Меня будто подбросило, кровь прилила к лицу, рубец запульсировал в такт бешеному стуку сердца. Я встал в стойку, шагнул вперёд и только тогда разглядел, что по голове меня приложил Кислый-старший. Тот от неожиданности качнулся назад, но тут же опомнился и скривил губы в презрительной ухмылке.

– Чё, н-на?

И я не решился вломить ему, оглянулся на своих. Сдулся.

Кабан удержал на месте дёрнувшегося ко мне Андрея, а Граф с какой-то даже благодушной интонацией поинтересовался:

– Ну ты чё творишь, Кислый?

– Пусть дерутся, а не мацают друг друга! – объявил тот с ухмылкой и отошёл.

Лысый дядька начал ему что-то выговаривать, но мне было уже не до того – с земли поднялся Пантелеев. Он снова попёр вперёд и активно заработал руками, словно и не валялся только что, хрипя и сипя, полузадушенный. А вот меня неожиданное вмешательство попросту выбило из колеи. Пропал кураж, мысли разбегались, я ушёл в глухую оборону и очень скоро отсушенные руки начали наливаться свинцовой тяжестью.

Кто-то засвистел, и я не удержался, пробил Мише левой в корпус, правой зарядил в глаз, рассчитывая рассечь бровь. Попал ниже, да ещё и сам пропустил неслабый тычок в переносицу; потекла кровь. Мы ещё пару раз обменялись ударами, а Пантелей и не думал снижать темп. Уж не знаю, чем он закинулся, но

моих попаданий он словно не замечал.

И вновь я закрылся, отступил. Миша не отставал, и я сбил его с шага, встретив подошвой кроссовки в бедро. Сразу разорвал дистанцию, опустил руки, встряхнул ими, разминая. Пантелей опять двинулся вперед, и снова пинок заставил его оступиться. Кислый-младший презрительно засвистел, когда мне в третий раз удался этот приём, и Миша ускорился, потерял осторожность.

Как и в самом начале драки, он слишком сильно подался вперёд, и я сумел провести захват, швырнул его через бедро. Но на этот раз и не подумал переводить драку в партер, Пантелей только приподнялся на колено, когда я шагнул к нему и со всего маху приложил ногой по голове. Попал взъёмом стопы в подбородок, и рухнувший на спину парень крепко долбанулся затылком о землю. Встать он не смог, мелькнула даже мысль, что перестарался и сломал ему шею.

Тут же подскочил Андрей, я отстранил его и попросил:

– Глянь, он живой вообще. – А сам отошёл в сторону и наклонился, не желая и дальше пачкать майку кровью. Из носа продолжало течь, но сломан он не был и даже не опух.

Рядом встал лысый дядька, покачал головой.

– Борец, да? Приходи, поставим ударную технику.

Я удивлённо повернулся, и он наставил палец на Андрея.

– Куда идти, у друга спросишь. И аккуратней с Графом, гнилой он какой-то стал.

Дядька ушёл взглянуть на Мишу, который к моему немалому облегчению сумел встать с земли, пусть и покачивался словно пьяный. Я осторожно ощупал нос, высморкался, избавляясь от кровавых сгустков, и стянул испачканную майку. Выкидывать её не стал, просто свернул. На штанах красных пятен заметить не удалось.

Андрей отдал мои вещи и олимпийку. Пока я одевался, подвалил Граф, кивком указал на дядьку.

– Чего он хотел?

– Звал боксом заниматься. Только я не понял куда.

Граф хмыкнул и махнул рукой.

– Всё, расходимся!

Я оглянулся и пошёл следом, чувствуя, как постепенно отпускает адреналиновый шок и на смену ему приходит тягучая едкая ненависть. Единственное, чего сейчас по-настоящему хотелось – это съездить в заброшенный посёлок, достать из тайника дробовик и завалить Кислого к чертям собачьим. Просто подкараулить у подъезда и всадить заряд картечи в живот, а потом стоять и смотреть, как тот корчится в луже крови.

Рука бы точно не дрогнула, но… Вот грохну я этого урода, и кому лучше сделаю? Графу? А я хочу ему лучше делать? Нет, не хочу. Если начистоту, я его за компанию с Кислым грохну с превеликим удовольствием. Ну да ничего, земля круглая, ещё сочтёмся.

Когда выбрались за ограду училища, я предложил:

– Может, по пиву?

– Пацаны ждут, – засомневался Андрей. – Нехорошо получится.

– По бутылке. Дойдём до киоска, по дороге выпьем.

Фролов вопросительно глянул на Графа, тот протянул ему руку.

– Давайте, пацаны! Не пропадайте.

Мы попрощались и двинулись от посёлка к двухэтажкам. Тогда Рома оглянулся и негромко спросил:

– Дюша, это что вообще было?

– Без понятия, – развёл Андрей руками.

Мы купили в коммерческом киоске три бутылки «Жигулёвского», попросили открыть, но на ходу пить не стали, дошли до детского сада, перемахнули через ограду и расположились на веранде. Там я сделал длинный глоток пива и шумно перевёл дух.

– Дюша! – вновь дёрнул Фролова Рома. – Давай, колись! Что там было?

– Да Граф больше о каких-то киосках Кислому втирал. Вообще не понял, что к чему, но чего-то он вымутил.

– А чего тут непонятного? – скривился я. – Тебе по ушам проехались, будто Кислый опустился, ты его брату вломил. А теперь Граф не при делах, типа просто за нас вписался, прикрыл.

– Да кого он прикрыл?! – взорвался Рома. – Он даже за тебя не впрягся, когда Кислый в драку влез! Язык в жопу засунул!

Андрей засопел и приложился к бутылке, но заступаться за Графа не стал.

– В общем, он какие-то свои дела порешал, а мы ещё ему должны остались, – подытожил я. – И отказать не сможем, потому что Кислый ни фига не сторчался, против его братвы не потянем.

– Сам разберусь! – нервно передёрнул плечами Андрей. – Графа я просил об одолжении, на мне и долг.

– Остынь! – махнул рукой Рома и поставил под ноги опустевшую бутылку. – Скажи лучше, что это за сморчок был?

Я присоединился к вопросу приятеля, и Андрей пояснил:

– Тренер это. Нет, не погоняло, на самом деле тренер по боксу. Свои за глаза Петровичем зовут. Он ещё в семидесятых за тяжкие телесные несколько лет отсидел, тогда и наблатыкался. Много кого знает, не авторитет, но к нему прислушиваются. Кислый и Граф у него в секции занимались.

– Что за секция?

– На «Восходе».

Я кивнул. До этого спортивного комплекса с бассейном от нас было две или три остановки, при желании вполне мог туда походить. По крайней мере, имело смысл об этом подумать.

– Нос у тебя как? – спросил Рома.

Я прикоснулся к лицу и пожал плечами.

– Болит немного. Сильно опух?

– Да вообще не опух.

Андрей поднялся на ноги и поторопил меня.

– Серый, допивай короче. Пацаны ждут.

Я приложился к горлышку и запрокинул голову, потом встал с лавочки.

– Ладно, двинули. Вдарим в бубен.

Ну и вдарили, конечно. Как же без этого…

05|07|1992

утро

Рассвет я встретил на берегу озера. Нет, не проснулся там пьяным. И нет, не продолжал пить. Просто накануне Андрею пришла гениальная мысль пойти на рыбалку, вот он и припёрся за мной ни свет, ни заря. Ладно хоть я ещё более-менее выспался, поскольку вчера из-за разболевшейся головы особо на пиво не налегал и ушёл домой раньше остальных. Ну и с утра цитрамоном закинулся, а то при каждом резком движении в правый висок стреляло, да и переносицу ощутимо ломило.

Мы наскоро попили чая и отправились копать червей, а потом расположились на «камнях» в компании ещё полудюжины рыбаков-любителей. Между насыпью и стеной камышей оставался зазор метров в десять чистой воды, туда и забросили удочки. Утро выдалось тёплым, погода радовала, но вот клёва не было никакого. За всё время отправили в садок лишь несколько окуньков и чебаков, да ещё мне удалось вытянуть неожиданно крупного ерша.

А в остальном – красота. Солнце над горизонтом малиновым шаром в пелене облаков вспухает, тишь да гладь. Иногда разве что чайки покрикивали, да от дороги изредка доносились лязг троллейбусных штанг и гул электромоторов, а от вокзала гудки поездов и стук вагонов при стыковке. Нормальная, спокойная, привычная звуковая картинка. И думать ни о чём не нужно, можно просто за дрожанием поплавка из гусиного пера на водной глади наблюдать.

– С Графом не говорил ещё, так понимаю? – спросил я.

Андрей покачал головой.

– Когда бы? Ему нужно будет, сам подойдёт.

Я вздохнул в надежде, что такой необходимости в ближайшее время не возникнет. Очень неприятно себя должником ощущать, но ещё неприятней эти самые долги отрабатывать. Чует сердце, будет это совсем непросто. И ведь не послать…

В голове лениво ворохнулась мысль о помповом ружье, но всерьёз её рассматривать не стал. Не из-за внезапного пацифизма, просто нельзя людей

налево и направо валить. И просто нельзя, и в тюрьму лет на пятнадцать заехать желания нет. Ладно, выкрутимся…

Андрея, как оказалось, волновало совсем другое.

– Похоже, скоро папой стану, – сказал он вдруг.

– Чего это? – удивился я.

– Вытаскивать влом.

– Хорош ерундой болтать.

– Серьёзно!

Тут я и вовсе дар речи потерял.

– Погоди, ты Аньку без презервативов шпилишь?

Фролов только фыркнул.

– Серый, гонишь, что ли? Я б на одних гондонах разорился!

– Вот ты сексуальный террорист! – покачал я головой. – Так у вас всё серьёзно?

– Ну да.

– А ей сколько лет-то?

– Двадцать два.

Я покрутил рукой.

– Ну два года разницы – ещё туда-сюда…

– Год, – поправил меня Андрей. – Я ж семьдесят первого.

– А, точно! Дитё октября, блин!

Андрей Фролов родился в конце октября и в первый класс пошёл на год позже большинства своих ровесников.

– Ну, год – это нормально, – решил я. – Как говорится: совет да любовь.

– Иди в жопу, – пробурчал Андрей. – Денег вообще ни на что не хватает, ещё в отпуск на заводе выпихивают.

– Ну ты же теперь бригадир!

– Только это и успокаивает. Но, если и у Гуревича бизнес звездой накроется, вообще кисло будет. Хотя жаловаться грех. Руки-ноги есть, куда приложить их найду.

– У Гуревича и накроется? – фыркнул я. – Брось!

Фролов заржал.

– Ну да, такой не прогорит. – Он вдруг прищёлкнул пальцами. – Кстати! Женька Зинчук письмо прислал, у него дембель в конце сентября.

Женька учился с нами в параллели, и были они с Андреем и в школе, и во дворе, что называется, не разлей вода. Это я до армии больше с Буньковым общался.

– Чего-то рано, нет? – удивился я.

– Да не, он же на Дальнем Востоке погранцом служит. В отпуск после года не отпустили – до нас оттуда только ехать неделю, а то и дней десять, – вот и уйдёт на месяц раньше остальных.

Мы ещё немного потрепались, потом просто сидели молча, а ближе к десяти начали сворачивать снасти. Свой улов я пожертвовал на пропитание

Андрюхиного кота и домой пошёл налегке, с одной только разобранной на колена удочкой. У подъезда встретил тётю Софью – стройную миловидную женщину лет тридцати пяти, которую не портил даже излишне крупный нос; в этом отношении курносая Зинка уродилась в папеньку.

Соседка ходила выхлопывать коврик, и я вежливо придержал открытой подъездную дверь, а после вызвал лифт.

– Зина уже встала? – спросил, когда мы начали подниматься. – Она вчера просила сказать, когда можно будет зайти кабельное посмотреть.

– Они отцу все уши кабельным уже прожужжали, – пожаловалась тётя Софья и предложила: – Лучше сам спроси. В этом возрасте семь пятниц на неделе, сразу и узнаешь, какие у неё планы на день.

Фраза «в этом возрасте» была заметно выделена интонацией, поэтому даже пожалел, что затеял разговор, но отнекиваться не стал и вслед за соседкой вышел на седьмом этаже. Тётя Софья, открыла дверь и с порога объявила:

– Зина! К тебе Сергей пришёл! – А после сообщила мне: – В детской она.

Я прислонил в углу бамбуковую удочку, разулся и двинулся к Зинке. Та сидела за письменным столом спиной к двери, но сразу оглянулась и разрешила:

– Серёжа, заходи!

В комнате стоял запах чего-то химического, я потянул носом воздух и спросил:

– Чем пахнет?

– Ногти крашу, – сообщила Зинка, развернулась на стуле, вытянула ногу и закинула её на диван. – Нравится?

– Красиво, – честно признал я, но высказывание это относилось отнюдь не к нежно-розовому цвету ногтей. Просто после легкомысленного движения девичье бедро оказалось едва-едва прикрыто полой коротенького халатика, и вид стройной ноги вызвал в организме вполне оправданные в этой ситуации позывы.

А как иначе? Всё же третья неделя пошла, как с Алёной переспал…

Миг Зинка помедлила, довольная произведённым эффектом, потом встала из-за стола и выдвинула верхний ящик, который оказался заполнен магнитофонными кассетами.

– Ничего себе! – произнёс я, радуясь хоть какой-то возможности отвлечься, и полюбопытствовал: – И откуда такая коллекция?

– Серёжу помнишь ведь? – спросила девчонка, сосредоточенно водя острым ноготком по футлярам где с печатными, а где и с рукописными наименованиями групп и альбомов.

– Патлатого? – уточнил я.

– Ага, – подтвердила Зинка. – Пытался за мной ухаживать, музыку разную давал слушать. Что нравилось или он переписывал, или я сама потом кассеты в звукозаписи покупала.

– А что же ухаживать перестал? – спросил я и с усмешкой предположил: – Ксюша-разлучница отбила?

Зинка забавно наморщила вздёрнутый носик, стрельнула на меня серыми глазищами и покачала головой.

– Не угадал. Я просто тебя из армии ждала, так ему об этом и сказала.

– Ой, да не заливай!

Девчонка передёрнула плечами, но на этой своей версии настаивать не стала.

– Его Фил пригрозил поколотить, – со вздохом признала она. – А Фил здоровый, сто сорок от груди жмёт, если не врёт.

– А Фил – это… – начал я и закончил с вопросительной интонацией.

– Филипп Зимин, одноклассник мой, – пояснила Зинка. – Да ты его видел! Помнишь ещё с этажа прогнал?

– А! – сообразил я. – Бычок!

Девчонка хихикнула и принялась разглядывать ногти.

– И вот Филу я сказала, что жду парня из армии, и ему ничего не светит, – объявила она и протянула две кассеты. – Держи! Это «Наутилус».

Подкассетники были подписаны как «Князь тишины» и «Чужая земля», я повертел их в руках и сказал:

– Да я вообще зашёл узнать, когда придёшь кабельное смотреть.

Зинка ненадолго задумалась.

– Сегодня воскресенье, так? – уточнила она. – В два дома будешь? Яша «Чудеса на виражах» смотреть останется, а Нинка с подружкой гулять умотает. Хоть мешать не будут.

Лично я понятия не имел, когда по выходным на кабельном канале трансляция спутникового «Super channel» сменяется показом видеофильмов, но вслух высказывать свои сомнения не стал. Если что – музыку послушаем.

– Буду, – уверил я девчонку. – Заходи.

– Пока-пока!

Уже у себя я запоздало посмотрелся в зеркало, но волновался по поводу внешнего вида напрасно. Нос если и казался припухшим, то лишь самую малость, да и ссадина на лбу нисколько не бросалась в глаза. Тогда заглянул на кухню к дядьке, который сидел за столом и читал газету.

– Что пишут?

– Пишут, в городе-герое Москве прошёл первый конкурс стриптиза! – просветил меня дядя Петя и покачал головой. – Срамота!

– «О, времена! О, нравы!» ещё скажи! – усмехнулся я, открыл холодильник и сразу его закрыл, поскольку смотреть внутри было абсолютно не на что.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Не валяй дурака, Америка», группа «Любэ».

2

«Капитан Каталкин», Александр Буйнов.

3

«Лётчик», Анка.

4

«Прогулки по воде», группа «Наутилус Помпилиус».

5

«Капитан Каталкин», Александр Буйнов.

6

«Тома», кабаре-дуэт «Академия».

Купить: https://tellnovel.com/pavel-kornev/07-92

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити